

МЕСТО

КАРАНТИНА

ВАДИМ БАБЕНКО

Вадим Бабенко
Место Карантина

«Издательские решения»

Бабенко В.

Место Карантина / В. Бабенко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909935-8

Стоит ли надеяться, что наша память, наше сознание и наше «я» не исчезают со смертью физических тел? Может ли поверить в это не обыватель, падкий на сенсации, а человек с очень критическим умом? Оказывается, может — если доказательства неопровержимы. Если то, что считалось выдумкой мистиков, обретает реальный базис. Опыт жизни, магия и карма, женщина, без которой не можешь, — все перемешивается, связывается в одно. И приходится прозревать волей-неволей — где? В странном месте. На Карантине.

ISBN 978-5-44-909935-8

© Бабенко В.

© Издательские решения

Содержание

Вступление и благодарности	6
Пробуждение	7
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	28
Бревич	33
Глава 6	33
Глава 7	39
Глава 8	44
Глава 9	49
Глава 10	53
Тео	57
Глава 11	57
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Место Карантина

Вадим Бабенко

© Вадим Бабенко, 2021

ISBN 978-5-4490-9935-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление и благодарности

Книга является художественной прозой. Описанные в ней изыскания главного героя не претендуют на научную легитимность. При этом я предпринял огромные усилия, пытаюсь приблизить изложенное в романе к реальным теориям, развиваемым серьезными учеными. Также я старался избежать всего, что принципиально невозможно с точки зрения современной науки.

Выражаю искреннюю благодарность всем, кто помогал мне в работе. Особо отмечу Джузеппе Витиелло, чьи статьи, советы и консультации сыграли большую роль в формировании важнейших концепций книги. Главная из них – применение квантовой теории поля к описанию механизмов памяти и мышления – во многом перекликается с работами Витиелло, в том числе в соавторстве с Уолтером Фриманом и другими.

Большое спасибо Андрею Парначеву за беседу о суперструнах и бранах.

Наконец, отдельная благодарность Александру Бобкову, согласившемуся прочесть большую часть рукописи и высказавшему ряд ценных замечаний.

For self is the lord of self, self is the refuge of self.¹

Gautama Buddha

Неумирание разума ничуть не более фантастично, чем его наличие.

Teo

¹ Ибо человек сам себе господин, он же сам себе и убежище (англ.).

Пробуждение

Глава 1

Сначала рождается звук – словно медная струна дрожит где-то рядом. Он отзывается чутким эхом в дальней точке сознания, у самой черты. Затем приходит мысль: там, за чертой, была моя колыбель. Я покинул ее по чьей-то воле, к ней не вернуться.

Звук становится громче, явственней, резче. В нем угадываются мириады гармоник, живущих каждая сама по себе. Их разноголосие невыносимо, оно нарастает, сводит с ума – и вдруг обрывается на предельной ноте. Настает тишина; в ней – память о колыбели, ее последний, едва различимый след. Ее почти неуловимый образ, тень нездешней, очень чужой тоски. Будто восклицание – «Как жаль!» – и все: след теряется среди многих прочих. Вновь слышится медный звук, но теперь он негромок и вполне терпим. В серой мути, как на фотобумаге, проступают контуры и штрихи. Понемногу они связываются в одно, образуя осмысленную картину.

Я вижу свои руки, сложенные на коленях, лестничный пролет, перила и стены. Подо мной ступеньки; я сижу, сгорбившись и глядя в пол. В памяти пусто, я лишь знаю, что я здесь впервые – на этой лестнице, в этом подъезде. Чувствую, что могу вспомнить, кто я, но на это у меня нет сил. Мне очень нравится сидеть вот так – ничего не делая, не меняя позы. Глядеть в бетон ступенек и ни о чем не думать.

Проходит время, и, внезапно, я понимаю, что бездействую слишком долго. Что-то будто подталкивает изнутри; «Тео», – произношу я вслух; это мое имя. Звук не умолкает, в поисках его источника я оглядываюсь вокруг. Потом смотрю вверх, и становится ясно, что это вовсе не тугая струна. Все куда обыденнее и проще: тусклая лампа дневного света гудит, потрескивая, у меня над головой. Скоро перегорит, отмечаю я машинально и вздрагиваю – где-то внизу хлопает дверь.

Тут же начинает казаться, что звуки – со всех сторон. Я будто слышу шаги, смех, раздраженные голоса, плач младенца. Слышу клаксоны автомобилей, вопли сирен, городские шумы. Рокот волн и завывание вихрей, шелест травы, листвы, бумаги...

Мне тревожно; недавняя безмятежность улетучивается без следа. Дверь хлопает снова и снова; я встаю и перегибаюсь через перила. Ничего не разглядеть – внизу лишь сумрак и пролеты лестниц, уходящие в никуда. «*Mierda*», – шепчу я, отшатываясь; у меня кружится голова. Уже ясно, здесь нельзя оставаться – и нельзя медлить. Я оглядываю себя, вижу серую куртку, коричневые брюки, ботинки с тупыми носами. Мой вид мне не нравится, но выбора нет. Я поднимаю воротник, застегиваю молнию до подбородка и делаю шаг по лестнице вверх.

Вновь все стихает, как по команде, слышен лишь скрип моих подошв. Я прохожу несколько этажей, неотличимых друг от друга. На каждом – по одной двери без номеров и табличек, за ними ни шороха, мертвая тишина. Стучаться я не решаюсь, да и не горю желанием кого-то видеть. Я вообще не имею желаний, но у меня есть цель, пока еще не ясная мне самому. Пролет за пролетом, я поднимаюсь дальше. Пахнет чем-то казенным, на светло-серых стенах нет изъянов – ни трещин, ни граффити. «В этом доме нет жизни», – шепчу я себе – и тут, оказавшись на очередном этаже, вдруг вижу, что дверь на нем приоткрыта.

За дверью стоит женщина лет тридцати в синем ситцевом платье и летних туфлях. У нее красивые ноги, открытая, приветливая улыбка. Я застываю в ошеломлении: ее присутствие неожиданно, едва возможно. Я почти уже свыкся с мыслью, что я один в этом доме и во всем этом странном мире. Однако же незнакомка вполне реальна. «Добро пожаловать», – говорит она, распахивая дверь пошире. Потом представляется: «Я – Эльза», – а я лишь смотрю на нее,

сбитый с толку. Ее голос резонирует в пустоте лестниц. Мне кажется, он, как и жужжание лампы, отзывается внутри меня быстрым эхом.

Потом я понимаю, что медлить глупо, и вхожу, протискиваясь мимо Эльзы. От нее исходят тепло и запах – свежести, можжевельника и ванили. Я думаю мельком, что ее мускус, навверное, сладок, как заморский плод – и прохожу в гостиную, осматриваясь кругом. Эльза закрывает дверь, набрасывает цепочку и входит за мной следом.

«Это общая комната, – говорит она. – Мебели немного, но больше и не нужно. По крайней мере, на мой вкус».

Действительно, в гостиной – лишь стол со стульями и большой диван, неудобный на вид. Нет ни одной лампы, но от потолка и стен струится мягкий, нейтральный свет. В дальнем углу – подобие кухни с хромированной раковиной и электроплитой. Справа – окно; я подхожу к нему и смотрю наружу. Там горный пейзаж, сосны, снег. Что-то смутно знакомое и тревожащее память.

«Не верь, – усмехается Эльза у меня за спиной. – Это лишь картинка, их много разных. И, пожалуйста, представься же наконец!»

Я оборачиваюсь – она стоит все с той же приветливой улыбкой. «Иногда меня называют Тео», – произношу я осторожно, прислушиваясь к своему голосу. Он звучит знакомо. «Да, Тео», – повторяю я и пытаюсь ухмыльнуться в ответ.

«Мне *очень* приятно! – говорит Эльза, подходя ближе. – Я так истосковалась одна...»

Я замечаю, что когда она произносит слова, ее губы превращаются в расплывчатое пятно. Почему-то меня это не удивляет.

«Я здесь уже три дня без соседа, – добавляет она. – Многовато, как ты считаешь?»

Я лишь пожимаю плечами и вновь смотрю в окно. По ветвям ближней из сосен прыгает белка, мягкий снег искрится на солнце. Мне кажется, ничего более реального нельзя себе представить.

«Эльза, – прошу я, глядя на белку, – объясни мне, что происходит. Где я, что я – и кто ты? Я ничего не помню – я был болен? Нас похитили и мы в плену?»

Эльза становится рядом, проводит пальцем по стеклу. Я отмечаю, что у нее очень ухоженные руки.

«Мой ответ тебе не понравится, – говорит она, помедлив. – И едва ли поможет – но я и вправду не знаю, как все сказать. Я сначала думала, что надо мной смеются...»

Она замолкает, потом поворачивается ко мне: «Ну, например... Сейчас твоя голова пуста, но, может, ты помнишь, что такое гостевой дом?»

«Дом для гостей. Дом... Мы гости... – повторяю я за ней. – И что с того?»

Эльза морщится: «Или, может, ты помнишь, что такое госпиталь, санаторий? Или – давай попробуем – лепрозорий, чумной барак, карантин...»

Говоря все это, она загибает пальцы – на одной руке, потом на другой.

«Госпиталь... Значит, все же болезнь? – я пытаюсь заглянуть ей в глаза. – Или какой-то несчастный случай? – Потом меня передергивает: – Чумной барак... Что это, пандемия? Страшный вирус?»

«О, *fuck*...» – говорит Эльза и смотрит мне в лицо. Затем всплескивает руками: «Нет, лучше уж так!» – идет к кухонному шкафу, открывает дверцу и протягивает мне табличку, запаянную в пластик.

«Это лежало на столе, когда я вошла сюда три дня назад, – произносит она сердито. – Можешь себе представить, каково мне было? Вообще, тебе знакомо вот это слово: *смерть*?»

Да, почему-то мне знакомо это слово. В нем – удушье, лязг железа, дурная кровь. То, что стирает смыслы, будто влажной губкой с доски. Место, где теряется звук струны.

«Дальняя точка, – проносится в голове. – Колыбель за чертой...»

«*Tantibus*², извечный страх», – бормочу я, но Эльза отрицательно качает головой. На табличке написано заглавными буквами, без знаков препинания:

ПРИВЕТСТВУЕМ ВАС
ВЫ ПЕРЕНЕСЛИ ПЕРВУЮ СМЕРТЬ ТЕЛА

«Чушь!» – думаю я со злостью и читаю вслух следующие две строчки:

СМЕРТЬ ТЕЛА ЗНАЧИТ
НЕ ТАК МНОГО КАК ВАМ КАЗАЛОСЬ

И дальше:

БОЯТЬСЯ НЕЧЕГО
ВЫ НА КАРАНТИНЕ

«Бояться нечего, – повторяет Эльза с нервным смешком. – За три дня я привыкла, что это так. Правда, я вроде не боялась и раньше».

С минуту мы молчим и смотрим друг на друга. Потом Эльза делает шаг ко мне, становится совсем рядом. Я чувствую ее дыхание, ее тепло.

«Там ты умер, – говорит она тихо. – Лучше с этим смириться, не искать подвоха. Я понимаю, для тебя это звучит дико, но...»

Для меня это не звучит никак. Полная несуразица, диссонанс гармоник в медном, невыносимо резком звуке. И – предчувствие, замершее неподалеку.

«На карантине...» – бормочу я и отхожу от окна, от Эльзы. Сажусь на диван, тру ладонью висок. Тщетно пытаюсь осознать значение слов. Потом говорю: «Хороша шутка», – и пробую улыбнуться. Но улыбки не получается; челюсти сводит судорогой.

Эльза с досадой машет рукой: «Я знала! Знала, что не смогу тебе объяснить. Никаких шуток – там тебя не стало. Все закончилось, *finita, forever, amen*³. Скоро вспомнишь – об этом вспоминают быстро. И потом уже сомнений не остается».

Мне становится холодно, меня знобит. В голове роятся тысячи мыслей, а память пуста. Нет, она почти пуста, почти. Что-то в ней шевелится все же, какой-то обрывок, мелочь. Что-то подкрадывается – исподволь, неторопливо. И вдруг накатывает – кошмар предчувствия, неотвратимый ужас. Удушающе, леденяще – как крупнейшая из волн...

Я зажмуриваюсь, быть может даже кричу, захлебываясь в океане страха. На обратной стороне сетчатки вспыхивает как магний: мотоциклист в черной куртке с седоком за спиной, лицо, закрытое шлемом, тусклый блеск стали – пистолет в вытянутой руке. Я помню: потом будут выстрел и мгновенная, страшная боль. Я ощущаю каждым нервом: это было со мной на самом деле. Затем возникает еще кое-что – дом в оливковой роще и женщина, вся в слезах; с ней – лысеющий человек с перекошенным ртом. Дикие джунгли и большая река. Улицы старого города – почему-то я знаю, что это Берн. И – все гаснет, больше ни намека. Я сижу на диване, обхватив руками лицо, в страннейшем мире, который невозможно вообразить!

Потом, понемногу, мне становится легче. Кое-как собравшись с духом, я разлепляю веки. Эльза стоит рядом, смотрит сочувственно, качает головой.

«У меня было так же, – говорит она. – Тоже в гостиной, но за столом, а не на диване. Первое воспоминание – вертолет, прогулка над морем и внезапный взрыв. Точнее – самое начало

² Ночной кошмар (лат.).

³ Конец, навсегда, аминь (итал., англ.).

взрыва, огненный шар, подбирающийся ко мне справа... Да, непросто свыкнуться поначалу. Но теперь-то ты веришь, что все всерьез?»

«Почти», – отвечаю я коротко. В голове мелькает: нужно, наверное, что-то сделать? Может быть – вскочить, метнуться, сбежать вниз по лестнице, вырваться прочь, наружу? Уличить, разоблачить обман или уж удостовериться – самому, без Эльзы. Без пластиковых табличек и фальшивых пейзажей... Но нет, мне не под силу – ни действие, ни даже мысль о нем.

Эльза садится рядом, гладит меня по руке. Я почти не чувствую ее прикосновения, но что-то передается все же, какой-то намек на близость. С четверть часа мы молча смотрим в стену напротив. Потом она произносит: «Ладно. Думаю, ты скоро свыкнешься, как и я. Ты мужчина, в конце концов, жалеть тебя как-то глупо. А теперь...»

Поправив волосы, она поднимается и жестом приглашает меня за собой: «Пойдем!»

Я послушно встаю, мы подходим к одной из двух закрытых дверей. «Вот, – говорит Эльза, – это твоя спальня. Мне ужасно не хочется тебя отпускать, но меня предупредили: в первый день – только знакомство и никаких бесед. Так что иди, загадочный Тео. Приходи в себя – увидимся завтра».

У меня кружится голова, перед глазами пляшут блики. Мне очень хочется остаться одному. Я киваю, открываю дверь и плотно затворяю ее за собой.

В спальне – все тот же нейтральный свет, исходящий от потолка и стен. К моему удивлению, там нет кровати – лишь мягкое кресло и журнальный стол перед ним. На противоположной стене – большой экран. Моя комната больше всего похожа на зал для частных кинопросмотров.

Я подхожу к окну, оно выходит на лужайку посреди леса. У деревьев стоит олень, чутко поводя ноздрями. Он мне неинтересен – я помню, что это лишь картинка. Обманная картинка – сколько их здесь еще?

«Сколько...» – бормочу я и вдруг чувствую острую тоску по Эльзе, с которой мы расстались всего минуту назад. Одиночество, безмерное, как недавний страх, захлестывает меня с головой. Я будто остался наедине, лицом к лицу с мирозданием, с бескрайним космосом, масштабы которого не охватить мыслью. Мне не хочется ни вспоминать, ни думать, я мечтаю хоть о чем-то присутствии рядом – и с трудом подавляю желание вернуться в гостиную, может даже постучаться в спальню соседки. Что-то подсказывает – этого не следует делать. Обойдя комнату по кругу, я сажусь в кресло и собираюсь закрыть глаза. Но тут экран оживает, на нем появляется человеческое лицо.

Я вижу высокий лоб с небольшим углублением посередине, острые скулы и суженный подбородок, впалые глаза с чуть приподнятыми уголками, как у сфинкса. Губы сжаты в тонкую линию, немигающий взгляд устремлен мне прямо в зрачки. Я уверен, что никогда не знал этого человека – даже несмотря на мою негодную память.

«Я ваш друг, – говорит он внятно. – Ваш помощник. Быть может, наставник – или ваш советник, терапевт. Название не важно, примите просто, что я ваш Нестор».

Он строг и подчеркнуто официален. Его губы движутся не в такт словам, но меня это не беспокоит. В любом случае это лучше, чем расплывчатое пятно.

«Вам не обязательно отвечать взаимностью на мое участие и мою дружбу, – продолжает он, – но знайте, союзников тут у вас не много – не больше двух. У каждого *карантичника* есть свой Нестор и еще – сосед по квартире. Прочие едва ли будут склонны к общению с вами».

«Тео, меня зовут Тео, – говорю я, подаваясь вперед. – Рад познакомиться, ну и – у меня к вам очень много вопросов!»

Как-то сразу мне становится ясно, что все происходящее, возможно, не шутка. Не обман, не изощренный розыгрыш с какой-то неведомой целью. Тоска отступает, я чувствую прилив сил, лихорадочное желание прояснить все немедленно.

Человек на экране качает головой. Тем не менее я продолжаю: «Скажите, это взаправду смерть? Я ведь помню, в меня стреляли... А что *после* смерти, что это за место? И, главное, как я сюда попал?»

Нестор морщит рот, поднимает ладонь. «Нет-нет, подождите, – не унимаюсь я. – Объясните, здесь хоть что-то реально? Хоть что-то материально, надежно, прочно или все иллюзия, хуже, чем сон? От Эльзы пахнет можжевельником, но я не чувствую ее руки. На окне фотография, а что за окном?»

«Вот-вот! – усмехается Нестор. – Все сначала спрашивают об одном и том же. Выглянуть в окно или обнять соседа... Слова конечно разнятся, но не суть».

Он глядит куда-то вниз – быть может, роется в своих бумагах – и добавляет: «Завтра вы ознакомитесь с брошюрой для вновь прибывших – в качестве первого, так сказать, шага. Занятно, что вы сразу заговорили о снах, здесь им отводится большая роль. Вы скоро поймете, каждый сон – как заплыв в море без берегов. Путешествие – через обломки воспоминаний, через полунарушенные связи».

«Скоро...» – повторяю я за ним и замолкаю. Вопросы, что рвались у меня с языка, вдруг кажутся необязательными, никчемными. Новая мысль, как острое клинка, пронзает меня насквозь.

«Скажите, Нестор... – начинаю я, потом откашливаюсь и спрашиваю осторожно: – Скажите, Нестор, я бессмертен?» Голос все же подводит; последнее слово звучит фальцетом.

Нестор поднимает на меня глаза. «Бойтесь бессмертия? – интересуется он. – Или вы уже вновь бойтесь смерти – едва успев пережить ее, простите за каламбур?»

«Но кто?..» – вновь начинаю я и замолкаю, не зная, как продолжить. Мои веки тяжелеют, в ушах звенит – долгая нота, словно струна из меди.

«Вообще, – говорит вдруг Нестор, – то, что вы так растеряны и сбиты с толку, мне представляется несправедливым. Хоть, конечно, за справедливость, как говорится, не с кого спросить. Но мы-то знаем: возрождение – с сохранением памяти и своего „я“ – не должно быть чем-то странным лично для вас, Тео. Вы ведь не типичный случай, не рядовой вновь прибывший с файлом в одну страницу».

Он вновь смотрит вниз и восклицает, вскинув голову: «Взять хотя бы предсказанное вами поле! Или – квазичастицы нового типа. Или, скажем, метапространство – в нем про вас записано больше, чем тут, в вашем файле!»

«Я не помню почти ничего», – бормочу я, будто оправдываясь. Силы вновь иссякают – вдруг и сразу. Мысли путаются, меня охватывает неодолимая сонливость. С каждой секундой я все глубже погружаюсь в нее, как в вязкий омут.

Нестор машет рукой: «Да, да. Память вернется, для этой цели вы и помещены сюда, как все. Это не проблема – сейчас проблем у вас нет. Все они остались позади – пока. Но вам придется дотошно вспомнить, с чего они начались и во что обратились после. Вспомнить листы бумаги, исписанные от и до, квантовые теории, *танец консионов*... Это все вернется к вам – но позже, нынешний день окончен. Вы совершенно исчерпали свой ресурс. Вам нужно спать – пока без сновидений!»

На этом экран гаснет, спинка кресла отклоняется назад. Веки сами собой смыкаются, в темноте пляшут цветные вспышки, а в голове вертятся слова, смысл которых мне не ясен: «петарды», «порох», «пираты»... Вдруг мелькают: обрывок формулы, выписанный мелом на доске, знак интеграла, греческие пи и тета. Они очень важны, их не сотрешь с доски так просто – ни мокрой губкой, ни мыслью о небытие.

Очень хочется узнать еще одну вещь прямо сейчас. «Послушайте, Нестор...» – говорю я из последних сил, не открывая глаз, и тут же проваливаюсь в глубокий сон.

Глава 2

Следующим утром, вынырнув из забытья, я оглядываюсь и прислушиваюсь к себе. Комната не изменилась – все тот же нейтральный свет, окно с обманным пейзажем и экран напротив. Мое тело не утомлено ночью в кресле, в полусидячей позе; голова легка, и разум кажется вполне окрепшим. Я помню вчерашнее – лестничные пролеты, дверь в квартиру и улыбчивую Эльзу. Потом – мотоцикл с двумя седоками, пистолет, направленный мне в грудь. Мельтешат и новые воспоминания – как сполохи, одно за другим. Какие-то люди, громкий смех – и вдруг, пронзительно: тревога, страх. Но страх не за себя.

Я зажмуриваюсь и вижу хрупкую девушку азиатской внешности с чуть косящим взглядом и рыжей прядью в волосах. Ее лицо придвигается совсем близко, я тру кулаками веки, отгоняю слезы. «Тина...» – шепчу я и хочу закричать в голос, но сдерживаю себя усилием воли. Собираюсь с силами и стараюсь мыслить трезво: Тина – я помню, мы были вместе, пусть недолго. Помню, я должен был ее спасти – от кого? Какая опасность ей грозила?.. Пар от асфальта, влажный, горячий воздух, дым жаровен и выхлопы автомобилей – запахи большого города будто вновь щекочут мне ноздри, но я не могу связать их ни с чем. Помню лишь: что-то осталось незавершенным – и вдруг опять наплывает мотоциклист в матово-черном шлеме, а в последний миг перед выстрелом – осознание катастрофы, мгновенная острая тоска по Тине, отчаяние от собственного бессилия и... На этом память пасует, цепочка рвется. В голове – лишь остатки моего голоса: «...на-на-на».

Я вдруг понимаю: смерть – это больше, чем ночной кошмар. Больше, чем губка, стирающая смыслы, чем молчание струны из меди. Дурная кровь не есть ее сущность; сущность – потеря тех, кто тебе дорог. Расставание – навсегда ли? Расставание с Тиной – а с кем еще?

«Навсегда...» – произношу я вслух.

Отчего-то голос звучит фальшиво, фальшь чудится и в самом слове. Я оглядываюсь – фальшь кругом, моим мыслям не за что уцепиться. «Где я?» – спрашиваю сам себя и злюсь: хватит уже валять дурака. Нужно признать, надо мной, очевидно, проводят опыт – что это, галлюциноген, наркотик? Жестокий розыгрыш – в чем его цель? И когда я смогу очнуться?

Тут я слышу покашливание и открываю глаза – с усилием разлепляя веки. Экран на стене ожил, на нем Нестор, глядящий на меня в упор. «С пробуждением, – произносит он. – Сегодня у вас будет насыщенный день».

Я молча всматриваюсь в его лицо. Что-то в нем опять, как вчера, говорит мне: все не так просто. И сомнения отступают, я почти готов поверить, что все взаправду. Что меня не разыгрывают – я умер, но вновь живу, как ни дико предполагать такое...

Очень хочется прояснить все немедленно, но я опять не могу подобрать вопросы. Молчание затягивается, мне мучительно не хватает слов.

«Что такое танец консионов?» – спрашиваю я наконец, но получаю в ответ лишь снисходительную усмешку.

«Об этом вы мне расскажете сами, – говорит Нестор. – И, надеюсь, довольно скоро».

Я лишь развожу руками. «Вообще же, – продолжает он, – вам не следует забегать вперед. Здесь есть все, чтобы чувствовать себя комфортно, если не требовать многого от комфорта – а главное, не забудьте, у вас есть сосед. Соседка, если не ошибаюсь; разделение на два пола – это вообще гениальный ход природы!»

«Да, пусть, – соглашаюсь я, – но все же...»

Нестор задумчиво кивает, глядит вниз, перелистывает что-то и вдруг сообщает: «Конец сеанса».

«Уже? – восклицаю я и горячусь: – Стойте, стойте! Мне сейчас, поверьте, не до соседки. Вы мой помощник – мне нужна помощь: пусть кратко, но введите меня в курс... Вы советник – мне нужен совет, мне слишком – *слишком* – многое непонятно!»

«Все советы – по расписанию, – вновь усмехается Нестор, и я чувствую, что с ним не поспоришь. – *По расписанию*, – повторяет он с нажимом, – а в расписании сейчас значится общение с соседом по блоку. Вас наверняка заждались – будьте милосердны», – и он отключается, не попрощавшись.

Еще минуту или две я смотрю в темный экран, потом встаю и подхожу к окну. За ним – все та же лужайка, но без оленя. Он исчез, и вся картинка выглядит как-то слишком статично, будто выключилась анимация или кончился завод пружины.

Напротив окна – раздвижная ширма. Это вход в ванную, там чистота и блеск. Я гляжу на фаянсовый унитаз и в недоумении пожимаю плечами. Потом подхожу к раковине, открываю кран – оттуда и в самом деле течет вода. Я подставляю руки под холодную струю и плещу в лицо – с наслаждением, долго, не боясь замочить одежду.

Выпрямившись, смотрю в зеркало – мои черты мне знакомы, пусть смутно. После умывания кожу слегка покалывает, но вскоре это проходит. Я трогаю пальцами лоб и щеки – ощущения прикосновений чуть запаздывают, словно передаются по цифровым протоколам. Полотенце не требуется, на мне не осталось влаги. На полу тоже сухо – это *комфортно*, как и обещал Нестор.

«Что ж, – говорю я вслух. – Общение с соседом, ничего другого не остается». Выхожу из ванной, открываю дверь в гостиную и сразу вижу Эльзу, сидящую на диване.

«Ну наконец-то! – восклицает она. – Я была уже готова стучаться к тебе сама. Вся извелась – а ты спишь и спишь. Все же заселяться первой не очень приятно!»

Сегодня на ней строгий брючный костюм, туфли на каблуках и белая блузка. Она выглядит как менеджер по рекламе или преуспевающий страховой агент. Я оглядываю себя и морщусь – вчерашняя одежда смотрится довольно-таки жалко.

«Доброе утро, – здороваюсь я. – Ты просто красавица, я в восхищении. Как тебе спалось? У тебя есть свой Нестор?»

«Ну конечно, – отвечает Эльза. – Нестор есть у всех. Не правда ли, он такой душка?»

Она встает и подает мне руку: «Прости, что я начала с упрека. На самом деле я на тебя не сержусь. Вообще, мы должны избегать ссор. Здесь это, должно быть, невыносимо!»

Я думаю, что хорошо ее понимаю. «Сейчас я расскажу тебе о квартире, – продолжает Эльза, – но сначала давай поиграем...»

Она идет к кухонным полкам и жестом манит меня за собой. На полках немало утвари, достаточно для небольшой семьи. «Маленькая демонстрация», – говорит соседка, берет суповую тарелку и вдруг, не оборачиваясь, с силой швыряет ее в меня. Мое тело реагирует: одна нога чуть сгибается в колене, отклоняя корпус, голова уходит от удара, плечи разворачиваются и руки выбрасываются чуть вперед. Я принимаю боевую стойку, а тарелка, просвистев мимо, попадает в стену и беззвучно рассыпается в ней, не оставляя ни следа, ни осколков.

«Вот так-то, – Эльза качает головой. – А ты уже готов со мной драться. Расслабься, мы не воюем. Просто такая вот здесь жизнь. И еще – смотри...»

Я усмехаюсь, расслабляю мышцы и опускаю руки, а она идет ко мне, покачивая бедрами. Подходит близко, потом совсем близко, делает еще шаг и вдруг проходит сквозь, оказываясь позади. Я не ощущаю прикосновения, мне лишь чудится запах можжевельника, а Эльза улыбается как ни в чем не бывало.

«Поверь, я сделала это очень тактично, – говорит она. – На улице некоторые так и норовят пройти сквозь тебя *грубо*, суки. Со мной в первый же день так поступила одна тварь... Извини

за лексику – вообще-то я почти не употребляю плохих слов. Я из приличной, образованной семьи».

«Это правда, что от тебя пахнет можжевельником?» – спрашиваю я.

«Обманка, – машет она рукой. – У нас, как ты уже понял, что-то вроде фантомов вместо тел. От тебя, по крайней мере, ничем не пахнет. Даже обидно – в той, первой жизни все отмечали, что у меня очень приятный запах».

Меня коробит небрежная легкость, с которой соседка говорит о «первой жизни». Подозрительно... Вдруг и она – часть заговора, одна из тех, кто против меня? Я чувствую, как во мне вновь ворочаются утренние сомнения, но терплю, стараясь не подать вида. Может, Эльза просто легкомысленна чересчур – да и к тому же, она провела здесь на три дня больше, у нее было время привыкнуть.

Потом мы вновь оказываемся у кухни; Эльза хитро улыбается и вдруг смахивает на пол грудую тарелок – с уже знакомым мне эффектом. «Не бойся, я не истеричка, – успокаивает она меня. – Но не одни ведь истерички порой бьют посуду. Кстати, пока мы здесь, загляни в холодильник. Ты любишь яичницу? Я буду готовить тебе завтраки. Яичница с ветчиной пахнет настоящему. И будто даже имеет вкус!»

В моей спальне мы первым делом отправляемся в ванную, в которой я уже был. «Обманка, – говорит Эльза, обводя рукой вокруг. – Можно вообще не мыться, и унитаз тебе ни к чему. Хоть, признаться, я люблю здешний душ – знаешь, шум воды, тепло. Очень расслабляет – это остров покоя. И ванная у меня цвета морской волны. Цвета спокойного, умиротворенного моря. Кстати, тебя не удивило, что знакомство со спальней мужчины я начинаю с душевой? Ха-ха-ха, шутка. Я *очень* порядочная девушка!»

Выйдя из ванной, Эльза обводит взглядом комнату и отмечает удовлетворенно: «Тут все, как у меня. Вот примерочная», – она подводит меня к большому зеркалу во весь рост. Рядом с ним платяной шкаф, встроенный в стену. Я открываю дверцу – он забит одеждой. Эльза хихикает: «У меня ни разу не получилось раздеться догола, представляешь? – И показывает на журнальный стол: – Здесь пульт. Чтобы все менять – обои, вид за окном, потолок, свет...»

Я прикасаюсь к стеклянной поверхности. Она оживает, это чуткий сенсор. Пробегаюсь пальцами по кнопкам – все действует: шторы двигаются, стены окрашиваются в разные цвета. Я замечаю, что на них – неяркий, чуть заметный рисунок. Подхожу поближе, всматриваюсь в штрихи и разводы.

«Кофе с молоком, – говорит Эльза у меня за спиной. – Или, может, следы на песке».

«Фрактал⁴... – бормочу я бессмысленное слово. – Или, может, сад камней в Тиауанако».

Что-то вспоминается, но очень смутно. Однако же это было важно! Я шепчу и вслушиваюсь в свой шепот: «Осознание собственного разума – звенья бесконечной цепи вопросов. Странный аттрактор⁵ – линия в многомерном пространстве – самодостаточная, самоорганизующаяся сущность. Затухание сознания – фрактальная ломаная. Звенья укорачиваются, потом еще и еще, но и все же она бесконечна...»

«Что-что? – переспрашивает Эльза. – С тобой все в порядке?»

«Вроде да, – произношу я задумчиво. – Просто мне приходилось когда-то размышлять об этом – о кофейных разводах. Не обращай внимания, пойдём посмотрим на твою ванную цвета моря».

Мы осматриваем ее спальню, которая не отличается от моей, возвращаемся в гостиную и садимся на диван. «Теперь, – говорит Эльза, – выбрось из головы свой сад камней и сосредоточься, насколько можешь. Тут у нас есть инструкция здешней жизни. Самое занятное, ска-

⁴ Самоподобная геометрическая фигура. Объект, в точности или приближенно совпадающий с частью себя самого.

⁵ «Притягивающее» множество траекторий в фазовом пространстве динамической нелинейной системы.

зать по правде, я тебе уже показала, но прочесть ее нужно, так сказал мой Нестор. Да и твой, наверное, тоже».

У нее в руках брошюра в черно-белой обложке. «Карантин» – напечатано жирным шрифтом посередине. «Ты должен прочитать ее всю, – говорит мне Эльза. – Лучше сделать это тут, со мной. Я, если что, разъясню попонятнее».

Ясно, что ей просто не хочется оставаться одной – так же, как и мне.

Я открываю брошюру. На титульном листе, в правом верхнем углу, где обычно располагаются эпитафии, вновь выведено: «КАРАНТИН» и чуть ниже: «*Будьте благодарны!*» Со следующей страницы начинается текст. Пункт номер один гласит: «*Всем надлежит пребывать на Карантине вплоть до полной готовности его покинуть*». И, чуть ниже, пункт второй: «*Возвращение на Карантин невозможно. Без исключений*».

«Пока все понятнее некуда, – бормочу я. – Но я, конечно, посижу тут, с тобой. О, смотри, здесь бывают прогулки – ну да, ты же говорила про какой-то инцидент на улице...»

Эльза заглядывает мне через плечо. Я читаю: «*Для выхода из здания надлежит пользоваться частным лифтом, находящимся внутри квартиры у входной двери. Входную дверь открывать не рекомендуется*».

«*Прогулки надлежит осуществлять только в светлое время суток. В темноте гулять не рекомендуется*».

И еще:

«*Не рекомендуется купаться в море лицам без купальных костюмов. Без исключений*».

«Тут есть море?» – спрашиваю я Эльзу.

«О да, – отвечает та, – что есть, то есть. Оно-то как раз кажется мне совсем-совсем настоящим. Ты можешь посмотреть на него из спальни – тут, в гостиной, за окном всегда лишь картинка».

«Можно прямо сейчас», – предлагаю я. Мы идем в спальню Эльзы. Она уверенно жмет кнопки пульта и кивает на окно: «Ну вот...»

За окном – шикарный морской пейзаж: ультрамарин до самого горизонта, яркое солнце, белые катера и яхты. Внизу под нами – набережная с балюстрадой, полная народа. Почти все гуляют по двое – празднично, неспешно, им явно некуда торопиться. Мы находимся высоко, я не могу различить лиц. От набережной к камням у воды ведут бетонные лестницы. Купающихся немного, все они в ярко-желтом. Некоторые просто лежат на камнях, будто принимая солнечные ванны.

«Идиллия, – я усмехаюсь. – Здесь так каждый день?»

«Ну уж нет, – Эльза делает отрицающий жест. – Я сегодня в первый раз вижу солнце. Погоду они включают по какой-то своей прихоти».

«По расписанию...» – бормочу я негромко, но Эльза не обращает внимания на слово. Быть может, у ее Нестора другой лексикон.

«Вчера был сильный ветер, – говорит она. – Ветер, тучи, все уныло, мрачно. И волны – никто не лез в воду, хоть, наверное, здесь это безопасно. С нашими-то телами...»

Она стоит совсем рядом. Повинуясь внезапному порыву, я пытаюсь приобнять ее за талию, но моя рука повисает в воздухе – Эльза уворачивается, делает шаг в сторону, потом вообще отходит внутрь комнаты. «Недотрога!» – думаю я с досадой. Почему-то в этом тоже мнится подвох, какое-то ненужное лукавство.

Вскоре мы возвращаемся в гостиную, садимся на диван чуть поодаль друг от друга. Эльза признается: «Мне не понравилось гулять одной. Все – все! – смотрят тебе в лицо, это напрягает. Я пожаловалась Нестору, а он сказал – мол, что ж ты хочешь, у всех одно на уме. Встретить тех, кого они знали там – каждый озабочен лишь этим. А мне, честно говоря, не важно – там у меня не было близких людей».

«Близиких?» – переспрашиваю я и опять вспоминаю Тину. Вспоминаю имя, ярко-рыжую прядь и чувство тревоги, сосущее изнутри. Соседка замечает что-то, еще отстраняется, поглядывает на меня сбоку. Я молчу, говорить мне нечего – и пока даже нечего думать. Воспоминание жжет и мучит, но от него не тянутся нити. Память моя беспомощна – долго ли это еще продлится?

Потом я вновь беру в руки Инструкцию. Следующие листы не содержат ничего, кроме бесконечного дисклеймера, извещающего, что администрация не несет ответственности ни за что, от исправности инфраструктуры до ментального здоровья карантинщиков. Я продираюсь через параграфы сухого канцелярского текста и почти уже решаю пролистнуть несколько страниц, как Эльза вдруг спохватывается: «Мы опаздываем! Скорее – иди в конец, читай пункт семь дробь один. Или нет – наверное, семь дробь три...»

Я послушно читаю: *«Всем надлежит иметь две сессии ежедневно со своим другом, своим наставником, своим Нестором – ровно в двенадцать и ровно в пять по большим настенным часам»*.

Эльза показывает на противоположную стену. Там висят круглые часы, стрелки которых уже сошлись на двенадцатичасовой отметке. «Надо спешить, – говорит она, вставая. – Пока-пока».

«Чао», – бурчу я в ответ и отправляюсь в свою спальню.

Глава 3

«Вы опоздали на пятнадцать секунд, – говорит Нестор, улыбаясь довольно-таки кисло. – Это не принято, прошу иметь в виду».

Я оправдываюсь: «У меня есть причина – ваша Инструкция, я пытался найти в ней толк. Безуспешно, честно говоря».

«Что ж, – хмыкает Нестор, – это лишь значит, что вы должны еще больше дорожить моей дружбой!»

Сегодня он в очках, которые делают его старше. Почему-то мне это кажется забавным.

«Опаздывать не принято! – повторяет советник, потом смотрит вниз и добавляет: – Впрочем, вы, Тео, никогда не отличались дисциплиной».

«Это написано в моем файле», – киваю я понимающе.

«Именно, – подтверждает он. – Имейте в виду, вам никуда не деться от вашего файла. Хотя – едва ли это вас огорчит».

«Интересно, – я прищуриваюсь, – откуда он вообще взялся, мой файл? Вы следили за мной – еще там? У вас там есть агенты, наблюдатели, шпионы?»

Нестор усмехается саркастически: «Экий вы конспиролог! Может кто-то и следил за вами там – обманутые женщины или кредиторы – но к *здесь* это отношения не имеет. Никакого – и скоро об этом подробнее – а файл скомпилирован при вашем здешнем рождении специальными методами, долго объяснять. Есть, знаете ли, алгоритмы – сводящие воедино отдельные обрывки воспоминаний, мечущихся в подсознании с первого же мгновения жизни. С подсознанием мы умеем работать и с обрывками тоже, но обрывки обрывками, а интересно все целиком. Все, накопленное в вашем земном мозге – оно пока недоступно ни нам, ни вам. Память восстанавливается постепенно – вы здесь, собственно, в основном за этим. Над ней нужно трудиться – к счастью, вы умеете трудиться, Тео. И у вас есть помощник – я, не кто иной. И сосед – то есть соседка. И ваши сны».

Он важно поднимает палец, намереваясь что-то еще добавить, но я перебиваю его: «Минуту! Прошу вас, Нестор, загляните еще раз в мой файл и прочтите мне все, как вы выражаетесь, обрывки, касающиеся Тины, девушки, похожей на подростка. Ей двадцать три, у нее чуть косят глаза, а в волосах у нее рыжая прядь. Обещаю, я буду работать – но мне нужна подсказка, хоть один намек!»

Нестор пожимает плечами: «Все по расписанию, я уже говорил». Потом глядит на меня и неожиданно соглашается: «Ну хорошо. В виде исключения, один раз. В вашем файле... – он опускает глаза, листает что-то и сообщает: – В вашем файле нет ничего про Тину, девушку с рыжей прядью. По крайней мере, в той части, к которой я имею доступ – ни-че-го!»

«А что, есть и другие части? – спрашиваю я, подаваясь вперед. – Их нужно найти, послать запрос – как это делается тут, у вас?»

«Никак не делается, – скучно говорит Нестор. – Я уже сообщил вам все, что мог. Работайте над памятью – и, для начала, устраивайтесь поудобнее, вам предстоит много слушать. Вы сегодня выглядите получше, пора систематизировать вашу картину мира. Сориентировать вас, так сказать, во времени и пространстве. Как говорят тут, у нас, *обозначить место* – место всего. Итак, вы родились...»

Я делаю было негодующий жест, но понимаю, что с ним бесполезно спорить.

«Вы родились на трехмерной бране⁶, когда та была в середине своего цикла, – голос Нестора звучит ровно, без всяких эмоций. – У вас ее принято было называть „Вселенной“

⁶ Брана – многомерный физический объект размерности, меньшей, чем размерность пространства, в котором он нахо-

и считать, что ею ограничивается весь мир. Таков, по крайней мере, был расхожий взгляд – вы, Тео, и кое-кто еще испытали это на себе. К счастью, ваши критики оказались глубоко неправы...»

Нестор делает паузу и говорит: «Да. Мы рассматриваем устройство мира, но и не забываем о вас лично. Вехи вашей карьеры удивительным образом соответствуют хронологии вашей браны. Но сначала – немного о мироздании в целом, как мы понимаем его *здесь!*»

«*Здесь* – это...» – встречаю я.

Нестор останавливает меня ладонью: «Слушайте, слушайте, – и продолжает, так же монотонно: – На самом деле, бран может быть бесконечно много, – он делает ударение на „бесконечно“, – но вряд ли нам удастся это проверить. Мы ограничены знаниями о двух: первой, на которой вы родились, и второй, на которой мы с вами сейчас находимся. Само пространство, в которое погружены локальные браны, существует, по-видимому, всегда – или, по крайней мере, очень долго. Браны же рождаются и умирают, проходя через независимые друг от друга циклы – условно назовем их „разбег-сжатие“. Во время каждого цикла существует период, называемый „окном жизни“; на вашей бране он составлял – или до сих пор составляет – несколько миллиардов ваших планетарных лет. Нам известна лишь одна точка, где разумная жизнь развилась до заметного уровня – ваша планета, на которой сформировался и ваш разум, Тео, и разум многих из тех, с кем вы встретитесь в новом мире».

«И ваш?» – я вопросительно поднимаю бровь.

«Обо мне мы сегодня говорить не будем, – сухо отвечает Нестор. – Слушайте, слушайте, не перебивайте!»

«Скажу два слова о самом пространстве, – продолжает он, – его, кстати, называют по-разному. Просто, без затей, „пространство“ или „метапространство“, как вы когда-то, или даже „метабрана“ – имея в виду, что оно, возможно, существует не само по себе, а вложено в какую-то еще более глобальную структуру. Мне это кажется неоправданным усложнением, но термин прижился, и мы с вами не будем его чураться. По меньшей мере два фундаментальных поля, гравитационное и консионное, являются межбранными: переносящие их частицы путешествуют из одной локальной браны в другую. Именно присутствие таких полей, гравитационного в первую очередь, ответственно за отмеченные в ваше время необъяснимые космологические явления. И подчеркну: есть основания полагать, что именно метабрана – и только она одна – эмитирует консионы, предсказанные вами. Это важно – очень, очень важно!»

«Очень важно, – повторяет Нестор, как-то странно пожевав губами. – Но пойдем дальше: к сожалению, у нас нет контроля над глобальными полями. Мы не можем послать информацию другим бранам, не умеем создавать импульсы, несущие сообщения предыдущим жизням – или последующим, если таковые есть. Мы не знаем, контактируют ли с нами наши потомки. Скорее всего, это принципиально запрещено: похоже, что метабрана является строжайшим цензором траекторий, по которым движутся межбранные частицы. Есть лишь ограниченный набор возможных направлений движения и есть глобальное время – с ним не поспоришь и ничего не обратишь вспять. Мы не можем даже приблизительно оценить размеры всего пространства и имеем лишь отрывочные представления о его геометрии – хоть тут нам кое-чего удалось добиться. Главное, что мы знаем – это изменчивость, динамичность: его кривизна в любом масштабе меняется постоянно и со значительной амплитудой. Это, естественно, отражается так или иначе на локальных вселенных, на их структуре и свойствах – и на разумных жизнях, если таковые есть. Можно сказать, все мы, косвенно или напрямую, зависим от геометрических причуд метабраны, но детали этой зависимости мы обсудим позже. Пока лишь отметим, что она непосредственно граничит с любой из точек всех локальных миров. Изнутри ваша вселенная казалась большой сферой или, может, чем-то более общим, тороидальным, но с гло-

бальной точки зрения она, скорее, длинная нить, упакованная в клубок или другую, сложную, но компактную структуру. Локальные браны как бы плавают в пространстве, словно клубки пряжи в океане: бросьте клубок в воду – вода доберется до каждой точки. Сами же они могут быть бесконечно далеки друг от друга на взгляд изнутри, но при этом могут и находиться совсем рядом – представьте себе клубок из множества переплетенных нитей разного цвета. Когда вы движетесь по одной из нитей миллиарды и миллиарды лет, вам не приходит в голову, что по соседству есть и другие, на которые, впрочем, вы никак не можете перепрыгнуть... В общем, запомните: в моделях мира возможны разные вариации и формы, но метабрана – она всегда рядом и это, как вы потом поймете, есть наше с вами величайшее благо!»

«Разрешите спросить?» – поднимаю я руку, как в классе.

«Зачем? – удивляется Нестор. – Ничего путного вы пока не спросите. – И продолжает: – Слушайте дальше: на каждой локальной бране – своя физика со своими значениями мировых констант, но некоторые глобальные законы остаются верными везде и всегда. Также, на каждой бране – свои причинно-следственные связи и время течет по-своему, потому, к примеру, здесь, во второй жизни, сосуществуют индивидуумы, земная жизнь которых происходила в разные века. Впрочем, больших временных расхождений не наблюдается – никто не знает, почему. Мы не можем сказать, когда – в „нашем“, здешнем отсчете времени – существовала „ваша“ брана и создавались *Объекты Б*, образы индивидуальных людских сознаний. Мы также не знаем, существуют ли до сих пор ваша брана и ваша земная цивилизация. По крайней мере, пока никто из вновь прибывших не сообщил нам ни о какой катастрофе, угрожающей ей гибелью. Уточню кстати, что только воспоминания помогают нам узнать хоть что-то про первую, земную жизнь. Никакие материальные сущности одних бран, естественно, не доступны на других бранах – обмен информацией осуществляется только через *Объекты Б*. К счастью, у многих память восстанавливается почти полностью, это относится и к деятелям науки – можете себе представить, с какой горячностью они, попавшие в новый мир, взялись за пересмотр всех концепций. Вам, Тео, тоже будет чем заняться – надо сказать, вас здесь заждались. Всё же, вас считают первопроходцем, связавшим сознание с материей-энергией и определившим его место в структуре мира. Все, кто жил *там* позже вас, но попал *сюда* раньше, знают ваши работы, вашу знаменитую статью о главном – да еще, к тому же, вас не стало сразу после ее появления: интрига, интрига! Но и если забыть об интригах, в теории консионнов, как мы ее видим здесь, есть белые пятна – вы, Тео, влившись, так сказать, в ряды, должны помочь их заполнить, а потом двинуться дальше; работы непочатый край. Конечно, это непросто – восстанавливать теорию такой сложности по памяти многих людей без первоисточника. Информацию собирали по крупицам, и тут такая удача – вы явились собственной персоной. Пардон, я увлекся – конечно же, никто не желал вашей смерти...»

Все это он проговаривает без пауз, как давно заученный и много раз повторенный текст. Будто зачитывает мне правило Миранды – «Вы имеете право хранить молчание...» – или рассказывает, как вести себя в тюремной камере. «Консионны» – отпечатывается у меня в мозгу. Я знаю, с этим было связано много. Больше, чем с Тиной? Вполне возможно. Что за формула приходила мне в голову перед сном? Гамильтониан⁷? Интеграл действия?..

«Вернемся к вашей конкретной бране – и поведем отсчет от вашей конкретной жизни, – продолжает Нестор, глядя чуть вбок. – Четырнадцать миллиардов лет до того – привычных вам земных лет – ваша брана начала расширяться. Это важно само по себе, но мы отметим еще и одну частность, которую нельзя обойти, говоря конкретно о вас. Именно тогда случился первый – и ярчайший! – пример явления, с которым вы связали свою жизнь. Я даже завидую вам немного: вы скоро вспомните все и многое из этого красиво. Гармонично, прекрасно и – вот вам подсказка – *симметрично*, до известного предела, конечно. Но вы, Тео, не из тех, кто

⁷ В квантовой теории – оператор полной энергии системы.

просто любит красивую вещь. Вам нужно препарировать красоту, узнать ее подопку. И тут вы далеко шагнули, это нужно признать!»

В его голосе наконец появляются эмоции. Нестор переводит взгляд на меня, поправляет очки и ободряюще кивает. Его облик неуловимо меняется, почти вся официальность пропадает куда-то. Он теперь смотрит на меня, как сообщник, поделщик, даже будто прищуривается лукаво и говорит: «Представьте себе карандаш, стоящий вертикально на острие – это вам что-нибудь напоминает? Вообразите шарик в центре выпуклого дна бутылки – не сидит ли это в вашей памяти занозой? Симметрия манила вас лишь одним – моментом своей гибели. Точкой конца, распада, шагом к несовершенству. Карандаш, отклонившись на микрон, уже не возвращается к вертикали – нет, он падает с громким стуком, пугая соседей по библиотеке. Вас даже могут вывести из зала – вы смоделировали катаклизм, катастрофу! Момент нарушения симметрии – это переход от невероятного к вероятному, от редкого к частому, от запертого внутри – к свободе. И за это всегда есть плата – энергетический выброс!»

«Да, – продолжает он, помолчав, – огромный выброс, невероятная мощь. Это мощь геометрии – она беспощаднее, чем любая другая сила. Тогда, четырнадцать миллиардов лет назад, ваш миниатюрный начальный космос был симметричен до предела. Он существовал в виде сложнейшей фигуры, переплетенной во множестве измерений. Чтобы создать такой клубок, потребовалась вся энергия предыдущей браны, которая исчезла, коллапсировав сама в себя. Доведенное до максимума сжатия, пространство приняло идеальную форму, уместившись в крохотную крупинку немислимой плотности и температуры. Это был предел совершенства – и жизнь его, как жизнь всякого идеала, была предельно, исчезающе коротка. Напряжение всех сплетений было столь велико, что первый же квант изъяна, мельчайшая флуктуация, как нечто сомнение или косо́й взгляд, привели к необратимому. Карандаш отклонился, и уже ничто не могло его удержать. Ткань пространства затрещала по швам и лопнула с оглушительным треском. Часть его вновь свернулась – в узкую трубку – и осталась таковой навсегда, другая же стала расширяться с совершенно безумной скоростью – в длину, ширину и глубину. Великая удача отметила вашу брану: она – случайным образом! – оказалась трехмерной».

«Шанс... Белковые структуры... Жизнь...» – бормочу я негромко. Что-то шевелится в памяти, какие-то уравнения, диаграммы.

«Именно! – восклицает Нестор и ухмыляется – он за меня рад. Так воспитательница детского сада рада за ребенка, сложившего слово „мама“. – Именно шанс – а для некоторых, включая вас, Тео, факт трехмерности стал еще и путеводным светом, лучом из тьмы, влекущим в зыбкие дали. Вы скоро вспомните свое детство, школу, занятия в лаборатории физики, которые вы посещали с таким усердием. Вы были подростком, тяготеющим к мастурбации, и заслушивались учителя, угрюмого человека с сальными волосами и горбатой спиной. Наверное, он тоже мастурбировал не переставая – женщины обходили его стороной – но вас с ним связывало не это. Он заронил в вас искру, поведав с маниакальной страстью о трех измерениях вашей вселенной как необходимом условии существования жизни. Вы представляли по его рассказам и наивным формулам на школьной доске, как в каком-нибудь четырехмерном космосе все падало бы друг на друга – планеты на звезды, электроны на атомы – а в двухмерном, наоборот, разлеталось бы безудержно, без остановки. Никакая жизнь не была бы возможна при количестве измерений, не равном трем! Вы, как и учитель-физик, были потрясены случайностью выбора, и оброненное им „рука Создателя“ навсегда запало вам в душу. Потом, повзрослев, вы стали искать следы, тайники случайности и поняли, что они кроются в событиях, описываемых словами „нарушение симметрии“ – какой-либо из симметрий мироздания. Так у вас и пошло: сначала кварки⁸, потом бозоны⁹ – переносчики фундаментальных сил, после – кван-

⁸ Кварк – одна из элементарных частиц, не имеющих внутренней структуры.

⁹ Частицы, обладающие нулевым или целым спином и подчиняющиеся статистике Бозе-Эйнштейна. К ним относятся,

товые поля в ткани мозга, конденсация квазичастиц, и наконец – консионны, их вихри, „запись“ нашей памяти на метабрану. То, из-за чего на Карантине – и не только – вы являетесь *селебрити* своего рода. Но мы слишком много говорим о вас, давайте-ка вернемся к хронологии...»

Нестор вновь смотрит вниз – не иначе, в мой файл. Потом поднимает глаза и продолжает: «Итак. Четырнадцать миллиардов лет назад ваша брана, сделавшись трехмерной, раздулась в огромный пузырь, на котором кипело море мельчайших кирпичиков вещества, возникавших и тут же убивавших друг друга. Тогда несовершенство вновь дало о себе знать: в процессе рождений и аннигиляций счет не сошелся, как в колоде, над которой потрудился шулер. Некоторые кварки остались жить, их оказалось больше, чем антикварков – на одну миллиардную часть. Немного, казалось бы, но и этого хватило – и асимметрия определила вашу судьбу, Тео, не только позволив создаться всему материальному, но и заморозив вас как исследователя. Именно преобладание вещества над антивеществом стало вашей первой идеей фикс!»

В правом верхнем углу экрана появляется картинка с тремя кружочками разных цветов, соединенных волнистыми линиями. Под ней – таблица чисел.

«Унитарная матрица смешивания», – бормочу я.

«Да-да, – кивает мне Нестор, – такое не забывается», – и издает какие-то странные звуки. Не сразу, я понимаю, что он смеется.

«Шутка, – сообщает советник. – Но вам было не до шуток. Вы вгрызлись, как в базальтовую твердь, в свойства самой ранней из материй, что возникла в считанные мгновения после начала вашего мира. Вспоминайте: из кварков, что сами по себе мимолетны, образовались протоны, стабильные на удивление – уже не кирпичики, а настоящие кирпичи, надежнейший строительный материал. Тут же создавались и другие адроны¹⁰, и их антиподы, зеркально противоположные по свойствам – все это кипело в раскаленном котле, сталкивалось и взаимоничтожалось, испуская новые частицы, которых становилось больше и больше. Гигантский зоопарк вселенной населялся своими обитателями. Все рождалось из ничего – восхитительно, невероятно! – но не следует забывать и еще об одной вещи. В то горячее, бурное время случился очередной крах идеала. Силы природы отделились друг от друга – это разнообразило вашу карьеру, Тео! Сначала отпало тяготение – оно вообще стоит особняком. Затем, почти сразу, сила склеивания атомных ядер стала подчиняться своим особым законам – хоть никаких ядер еще не было и в помине. А потом, когда материи уже стало в достатке, произошел окончательный раздел влияний. Всем знакомый электромагнетизм отмежевался от слабых взаимодействий – и это было событие из событий. Помимо разделения фундаментальных сил, оно привело к фазовому скачку: материя обрела массу. А вы, Тео, обрели репутацию – не самую лучшую, признаем прямо!»

Нестор прищуривается: «Да-да, не смотрите на меня так невинно». Потом я вновь слышу странные звуки – его подобие смеха. Посмеявшись, он делается серьезен и произносит: «Сосредоточьтесь, это важно». Картинка с кружочками пропадает с экрана, появляется диаграмма, состоящая из спиралей и стрелок.

«Это была красивая гипотеза, – говорит Нестор, кивая сам себе. – Вязкое поле, в котором тормозятся разлетающиеся частицы – и его агенты, бозоны Хиггса¹¹, неуловимые переносчики новых свойств. На исследование загадочного бозона, который живет слишком ничтожное время, чтобы увидеть его напрямую, бросились очень многие. Главный азарт, как в любой охоте, состоял в его поимке – лучшие головы бились над способами усмотреть следы его распада в детекторах размерами с многоэтажный дом. Вас, талантливого специалиста, пригласили в лабораторию, имеющую доступ к новейшему ускорителю – мечта физика-теоретика того вре-

например, фотоны (кванты света).

¹⁰ Элементарные частицы, подверженные сильному взаимодействию. К ним относятся, например, протоны и нейтроны.

¹¹ Элементарная частица, предсказанная Питером Хиггсом, ответственная за обретение массы другими элементарными частицами.

мени. Ваша группа считалась одним из фаворитов гонки, и все ваши коллеги не жалели сил. Лишь вы, Тео, спасовали – заявив довольно-таки скоро, что уходите, вам неинтересно. Вы предпочли – смешно сказать – свободное плавание, альтернативные модели, свои собственные поля и частицы. Да, коллеги посчитали это дезертирством – а что еще они могли себе думать в условиях жесточайшего научного дерби? В условиях борьбы за профессорские места и гранты, и Нобелевские премии, в конце концов!»

Нестор замолкает и глядит на меня в упор. Под его взглядом я чувствую себя неловко. «Впрочем, я понимаю, что именно вас оттолкнуло, – продолжает он. – Быть может, виновны популяризаторы-журналисты – они развели совершенно непристойную шумиху. Они потакали толпе и докатились до стыдного, до ярлыка „частица Бога“, и, наверное, для вас это было последней каплей. Вы, насколько я могу судить, полагали, что любимых частиц у Бога может быть сколько угодно. Вас не интересовали его игрушки, вы искали жест, указующий перст, след вмешательства высшей воли в „случайные“ фокусы мироздания. Быть может, трехмерность вселенной и кварки, пережившие период аннигиляции, все еще не шли у вас из головы. Вы долго помнили о них, Тео – наверное, вы вообще злопамятны на редкость!»

«Неужели и это написано в моем файле?» – интересуюсь я.

«Нет, – признает Нестор, – но не стоит думать, что я могу лишь читать по написанному другими. Может мне и не доводилось открывать новые поля, как вам, но я тоже могу сложить два и два – и сделать какие-то выводы. Вы, конечно, не обязаны со мной соглашаться...»

Он хмыкает, нарочито безразлично, но я вижу, что он обижен. Тот еще фрукт – с немалым эго – но ссориться с ним ни к чему. «Бросьте, – говорю я примирительно, – я ничего такого не имел в виду. Вам показалось – тем более что я ни о каких новых полях не помню».

«Вспомните, – заявляет Нестор. – Вспомните и о полях, и о том, как вас разнесли в пух и прах по поводу некоторых из них. Пока же отмечу: вы, несмотря на вашу строптивость, многое почерпнули из истории с разделением. Я имею в виду разделение фундаментальных сил – вы вдоволь поработали над его природой. Не это ли потом помогло вам описать механизм активации истинного сознания? Незрелый мозг как нестабильный вакуум – мне кажется, аналогия достаточно прозрачна. Да и вообще, вам полезно было глянуть на спонтанное нарушение симметрии с разных сторон...»

На экране появляется новая схема – что-то похожее на сомбреро – и два уравнения рядом с ней. Я впиваюсь в них взглядом, предчувствуя узнавание, вспоминая слова – одно за другим.

Нестор тем временем растекается мыслью – о гармонии пропорций, форм, о симметрии свойств, физических законов, связей. Он красноречив, но я почти его не слышу. Я смотрю на экран и вспоминаю – мучительно, напряженно.

Мысли выстраиваются в каре и шеренги, становятся мне послушны. «Потенциал Голдстоуна!» – восклицаю я. От волнения у меня пересыхает во рту. Я откашливаюсь и продолжаю: «Простейшее приближение – скалярное поле...» – но тут Нестор делает знак, и рисунок исчезает прочь.

«Ладно, ладно, – он машет рукой. – Кто старое помянет... Не будем заикливаться на ваших злоключениях и мытарствах».

«Подождите, верните! – почти кричу я. – Мне нужно, я наконец вспомнил...»

«Сессия закончена, – пожимает плечами Нестор. – Мы увидимся через несколько часов».

На этом экран гаснет. Здесь, на Карантине, не принято прощаться подолгу.

Глава 4

Я полулежу в кресле, глядя в стену напротив, и раздумываю над услышанным. Бесцеремонность Нестора коробит, я ругаю его шепотом, довольно-таки грубо – понимая при этом, что не в моих силах изменить здешние порядки. Воспоминания возникают и исчезают, память будто примеряется к большому скачку. В голове мелькают обрывки формул – дразня, растворяясь, прежде чем я успеваю уловить их смысл. Выплывает длинный лагранжиан¹² с комплексной суммой в квадратных скобках, за ним – уравнение, от которого мне неуютно. В правой части – уже знакомый интеграл; с его верхним пределом явно что-то не так... Очень трудно держать все в уме – нужно записать, поразмыслить!

Резко выдохнув, я встаю, вновь поразившись мельком послушности ненастоящего тела, и устраиваю тщательный осмотр спальни. Подхожу к одной стене, к другой, выстукиваю и ошупываю, опускаюсь на колени, провожу пальцами по поверхности пола, заглядываю в углы. Мну в руке плотную штору, ее ворсинки щекочут кожу. Материал странен, но вполне реален, да и прочее не похоже на фальшивку. Комната не стерильна – я нахожу немного пыли, обломки карандаша, какие-то непонятные клочки. Все выглядит как жилье, покинутое прежним хозяином. Его можно обживать заново, привыкать к нему, приручать вещи и стены... Я рассматриваю свою руку, стучу ладонью по подоконнику. Пробую ущипнуть себя, поранить кожу ногтем. Чувствую боль, но не могу решить, настоящая она или нет. Мне кажется, нервные импульсы генерируются очень скупо, по чуть-чуть, чтобы лишь обозначить ощущение, а не передать его во всей полноте.

Как бы то ни было, я продолжаю поиск. Ничего нового не обнаруживается – ни секретных дверей, ни тайника за зеркалом, ни пустот в спинке кресла. Тогда я распахиваю платяной шкаф, раздвигаю одежду, осматриваю каждую полку – и тут мне улыбается удача. В левом нижнем углу я нахожу отделение с множеством полезных и бесполезных предметов, среди которых есть два блокнота и набор авторучек. Это важная находка – немного странно, что она случилась будто по заказу, но я решаю пока об этом не думать. Захлопнув шкаф, сажусь к столу и пытаюсь записать хоть что-то из мельтешащего в голове. Удастся немного – несколько значков и знак суммы. Подынтегральная функция напрочь забыта, и греческая тета – я теперь знаю, что это какой-то угол – сиротливо подвисает сбоку. «*Мьерда*, чертов Нестор!» – бормочу я. Потом, просидев впустую еще минут десять, рисую женский силуэт и пишу внизу: «Тина». Пишу: «Эльза» – и барабаню пальцами по столу...

Сенсорная панель вдруг оживает, появляются квадратики и стрелки. План комнаты, кнопки, большое меню вверху. Я тычу куда-то наугад – на окно надвигаются портьеры, воцаряется полумрак. «Ага», – говорю я глубокомысленно и начинаю разбираться всерьез.

Панель управления оказывается запутанной, некоторые из команд остаются непонятны. Все же я осваиваюсь по большей части – узнаю, как менять вид за окном, цвет и прозрачность штор, комнатную температуру и влажность. Обнаруживаю музыкальный пульт, долго перебираю мелодии и стили. Экспериментирую с рисунком стеновых обоев, все они напоминают одно и то же – молочные спирали в кофейной чашке. Это явный намек; я задумываюсь, потом пытаюсь нарисовать смутно знакомое – разводы инея или правильную, идеальную снежинку – но у меня ничего не выходит. В раздражении я выкрашиваю стены в ровный светло-оранжевый цвет, выключаю музыку и встаю – мне вдруг очень хочется видеть Эльзу.

Соседка сидит на диване в гостиной и рукодельничает – вышивает что-то на куске светлой ткани. Очевидно, в ее шкафу тоже нашлось кое-что ей по вкусу.

¹² Функция Лагранжа, описывающая эволюцию динамической системы.

«Затворник! О чем вы говорили так долго? О чем вообще можно так долго говорить?» – восклицает Эльза, делая вид, что сердится, но я знаю, что она рада меня видеть. На ней юбка горчичного цвета и серый свитер, янтарное ожерелье и такой же браслет на запястье.

Я подхожу и сажусь рядом, Эльза тут же отодвигается чуть в сторону – недотрога! Улыбается мне – радушно, вежливо, но как-то отстраненно – и говорит: «Вот, это наша скатерть. Я люблю, когда каждая вещь в доме имеет свое лицо. – Потом кладет вышивку на диван между нами и интересуется: – Ну, ты как? Как ощущение новичка? Как память?»

Я признаюсь, что похвастать мне нечем.

Эльза успокаивает меня: «Терпи. Все придет – вот и я сначала ничего не помнила, кроме вертолета и гранитной скалы внизу. И потом – в мгновение: взрыв, огненный шар... В общем-то, милосердно – я не успела испугаться. Затем, через сутки, я стала вспоминать без остатка – и во сне, и прямо так, вот здесь. Тот курорт, где я отдыхала, моих соседей по этажу... Они затеяли катание над горами и потащили меня с собой, придурки... Ну а после – все остальное: детство, юность. Я видела картины, подходя к окну – не то, что за окнами, а что происходило со мной когда-то. Нестор помог конечно, он вообще очень обходительный мужчина. Знаешь, из таких, что не болтают почем зря!»

Я бросаю на нее косой взгляд. Чувствую досаду – неужели это ревность? Отворачиваюсь, злясь на себя, и спрашиваю нарочито-безразлично: «Вы уже говорили с ним про, собственно, Карантин? Почему-то мой советник-друг не склонен распространяться на эту тему».

«Говорили как-то, – Эльза пожимает плечами. – Что-то про иллюзию, анабиоз... Массовая иллюзия – звучит знакомо. В это довольно-таки легко поверить».

«Легко... – я задумываюсь. – А как насчет устройства мира? Локальные вселенные, каждая со своей физикой? Метабрана, которая всегда рядом?»

Эльза делает гримаску: «Что-что? Ну уж нет, про такое не было речи. Мой Нестор тактичен, он не ставит меня в тупик. И он заботлив – выбирает для меня сны. Я все-все стараюсь записать в дневник – а ты ведешь дневник? Пора начинать, это хорошая привычка!»

«Еще советчица...» – думаю я и пытаюсь шутить: «Я попробовал нарисовать фрактал – вместо дневника – но у меня не вышло».

Эльза отмахивается: «Не умничай, я не знаю такого слова. Ты заметил, кстати, что мы говорим на одном языке? Но по губам тут не прочитаешь фраз...»

Мне в голову приходит еще одна мысль. Я иду в свою комнату, беру блокнот с карандашом, возвращаюсь в гостиную и жестом приглашаю Эльзу к столу.

«Вот, смотри, – я рисую клубок пряжи. – Представь, что он состоит из множества нитей. Вообрази, что он плавает в океане и вода везде – подступает к каждой его точке...»

Немного волнуясь, я пересказываю ей все, что Нестор поведал мне о мироустройстве, но Эльзу это не трогает ничуть. Она терпеливо слушает, подавляя зевок, затем, не произнеся ни слова, возвращается на диван, к своей вышивке. Если даже она и ненастоящая, то в ней, как и в нашей квартире, есть какая-то неидеальность, шероховатость. Шероховатость отстраненности.

«Ну хорошо», – говорю я ей вслед и начинаю осмотр гостиной. С четверть часа лазаю по углам и щупаю все поверхности, как я делал в своей спальне. Это вызывает у Эльзы некоторый интерес – она наблюдает за мной и потом произносит со смешком: «Следопыт! Да, я тоже видела пыль, но в целом тут, по-моему, убирают неплохо. Не хуже, чем это сделала бы я сама».

«Убирают?» – переспрашиваю я.

«Ну да, – отвечает Эльза. И поясняет терпеливо: – Должна же быть горничная, как иначе? Наверное, она, как фея, появляется, когда мы спим или гуляем».

Я раздражаюсь несколько, мне кажется, она меня дразнит. Бормочу сердито: «Фея... Глуposti!» – потом подхожу к дивану и усаживаюсь на пол перед ней. Эльза вышивает, не поднимая на меня глаз.

«Послушай! – выпаливаю я довольно резко. – Ты можешь ответить серьезно? Что *ты* думаешь обо всем этом – другая жизнь, Карантин? Что ты успела понять за три дня – я уверен, ты размышляла, не переставая».

Эльза фыркает: «Не будь грубым». Потом откладывает вышивку, упирается ладонями в колени и говорит, глядя на меня сверху вниз: «Да, размышляла, но немного – потому что изо всех сил старалась не размышлять. Чтобы, знаешь, не съехать с катушек – попробовал бы ты посидеть тут в одиночестве!»

Я молчу, лишь отвожу взгляд. Эльза продолжает: «Когда я очнулась и попала сюда, в квартиру, я села на диван и ждала чего-то чуть не половину дня с пустой головой. Как если бы, знаешь, проснулась после очень глубокого сна и долго не могла бы вникнуть в реальность. Потом, понемногу, стала задавать себе вопросы и сама же отвечать на них: „Где я? – Неизвестно. – Я больна? – Вроде нет. – Я спала? – Вроде да, только не помню, где уснула...“ После, убедившись, что могу соображать, пошла осматриваться – и нашла ту табличку в пластике, и вспомнила про вертолет. А потом поговорила с Нестором, он меня успокоил».

«Ты во все это веришь?» – спрашиваю я, остро чувствуя неуместность вопроса.

«А у меня что, есть выбор?» – хмыкает Эльза. – Конечно, я подозревала сначала, что меня разыграли или накачали наркотой. Или что я в коме и все это бред. Но Нестор, в общем-то, меня убедил...»

«Кстати, знаешь, – она понижает голос. – Мне сначала казалось, что за мной все время следят – будто скрытой камерой в реалити-шоу. Я старалась быть замкнутой, не выказывать никаких эмоций – но потом мне надоело. Теперь я вообще об этом не думаю».

«Умереть – это тоже увлекательное приключение, – бормочу я. – Где-то я читал нечто подобное».

«Вот-вот, – кивает Эльза. – Я тоже где-то читала. Раз уж так получилось, нужно посмотреть, как все будет. Пусть не в самой второй жизни – если это все же розыгрыш – а хотя бы здесь, в конкретном месте, на Карантине. Тут ведь тоже происходят события: разговоры с Нестором, изменения погоды – а еще я ждала соседа. Интересно, думала, каким он окажется? Бедолага – ну и потрясение его ждет...»

Она вновь берет в руки скатерть, расправляет ее на коленях и критически осматривает вышивку. Там одно слово – «*Good*» – чуть задравшееся вверх на последней букве.

«Неровно, – признает Эльза, – но это даже смешнее. Пусть будет так – и вот так, полукругом».

Я встаю и прохожусь по гостиной. Меня по-прежнему слегка коробит ее легкомыслие – а может я просто завидую ему немного.

«Удивительно, – говорю я, останавливаясь у окна. – Ты сразу принимаешь все как данность, наделяешь рациональным смыслом. Неужели тебя не изводят сомнения?»

«Ну да, – Эльза глядит насмешливо. – Мучиться сомнениями – это так по-мужски! Скажи еще спасибо, что я не из экзальтированных идиотов. Я могла бы вести себя по-другому – представляю на моем месте свою мамашу! Уж она бы дала всем жизни – и Нестору вымотала бы нервы, и всему Карантину рассказала бы, как и что: как себя вести и что делать!»

Она встает и манит меня за собой: «Пойдем-ка примерим».

Мы подходим к столу. Эльза расстилает скатерть, потом сдвигает ее и кивает удовлетворенно: «По-моему, в самый раз. Ты как считаешь, не слишком мелко?»

«В самый раз, – подтверждаю я и интересуюсь: – Там, до вертолета, у тебя был муж?»

Соседка отрицательно мотает головой: «По крайней мере, я про него не помню. Я же говорила, у меня вообще не было близких – родственники, как ты понимаешь, не в счет. Хорошо, что я умерла молодой: когда стареешь, любить тебя могут лишь очень близкие люди. Не факт, что таковые появились бы у меня когда-то – а время, когда любить меня уже нельзя, настало бы непременно. Это была бы очень грустная жизнь!»

Наклонившись, она опять внимательно рассматривает свою вышивку. Я спрашиваю о содержании всей будущей надписи. Эльза усмехается: «Расскажу, если хочешь. Я вспомнила этим утром – смешная такая история...»

Она еще раз поправляет скатерть и продолжает: «В детстве я услышала в первый раз, что когда-то попаду на небо. Кстати, мой Нестор сказал сегодня, что это в некотором смысле так и есть. В грубом приближении, сказал он – я и сама знаю, что не взаправду. Но главное подтвердилось: после вертолета и взрыва я сижу здесь и говорю с тобой, и даже понимаю, кто я есть».

«Твой Нестор, по-видимому, куда любезнее моего», – усмехаюсь я, но соседка перебивает меня: «Посмотри. Дальше будут еще слова – тут и тут...»

Я смотрю на скатерть, провожу по ней пальцем. Потом поворачиваюсь к окну – там скалы. Глыбы камня с острыми краями. Возможно, такие были и под вертолетом, в котором закончилась первая жизнь Эльзы. Моя память по-прежнему плоха – ни одного связного воспоминания. Если, конечно, не считать лагранжиана – он самодостаточен сам по себе.

«Это случилось, когда я была подростком, – говорит Эльза, вновь садясь на диван. – Я была взбалмошна и довольно-таки глупа и совершенно не знала, кому и во что верить. И тут старшая сестра, приехав на каникулы из колледжа, привезла мне футболку с надписью: *Good girls go to heaven, bad girls go to LA*¹³. Это совершенно изменило мою жизнь!»

«Да-да! – восклицает она, расстилая вышивку на коленях. – Звучит странно, но это так. Я вдруг поняла, что у меня есть шанс – попасть на небо, я имею в виду. Шанс, когда его предлагают, это всегда очень важно. Я даже призналась Нэнси – так звали мою сестрицу – но та лишь посмеялась и назвала меня душой. Она вообще смеялась надо мной все детство – потому что была красивее и выше и все парни пялились на ее ноги».

«У тебя очень красивые ноги, Эльза, – говорю я ей вполне искренне. – Они были первым, на что я всерьез обратил внимание в *этой* жизни».

«Ах, брось ты, – смущается она, но я вижу, что ей приятно. – Ты, кстати, тоже ничего себе – у тебя такие плечи хорошие и лоб, и скулы... Ни один из моих мужчин не был похож на тебя – то есть ни один из тех, о ком я помню. Мужчин у меня вообще было не много – и все из-за той футболки».

«Дело в том, – продолжает Эльза, продевая нитку в иголку, – что на небо мне хотелось *очень*. Я люблю позаботиться обо всем заранее – а тут вдруг увидела прямой путь! Почему-то я поверила той надписи больше, чем всем пасторам и библиям. Я всегда слушалась свою сестру – быть может в этом все дело – хоть той, заметим, попасть на небо не светило. Она путалась с парнями без разбора, курила траву и даже обманывала государство – можешь такое себе представить? Раздобыла где-то поддельные права и – водила по ним машину, покупала спиртное, отиралась в барах, когда ей было еще нельзя по недостатку лет...»

Эльза усмехается, качает головой и говорит: «Ну а я – я стала хорошей девочкой. Меня всегда учили: нужно постараться, если хочешь получить что-то; подарок надо заслужить. А тут такой понятный случай – разумеется, я стала стараться изо всех сил! И старалась почти всю жизнь – с исключениями, конечно. Но исключения лишь подтверждают правила... Тебе не трудно будет прибавить света? По-моему, начинает темнеть».

Я прохожусь пальцами по панели в центре обеденного стола – она такая же, как и в моей спальне. Комната наполняется мягким светом, льющим с потолка. Я чуть-чуть меняю его оттенок, возвращаюсь к дивану и вновь сажусь рядом с Эльзой. Она привычно отодвигается, хоть я и не думал к ней прикасаться. Сегодня от нее пахнет не можжевельником, а дорогим парфюмом – чем-то взрослым и горьковатым.

¹³ Хорошие девочки попадают на небо, плохие девочки попадают в Лос-Анджелес (англ.).

«Быть хорошей девочкой довольно трудно, – признается соседка, не поднимая головы. – Трудно, но выполнимо – по-моему, у меня получалось. По крайней мере, я сразу стала совершенной белой вороной. Ни парней, ни марихуаны, ни даже обычных сигарет – у меня были очень консервативные представления о хорошестьи. Я старалась совсем не лгать и часто бывала в церкви – до сих пор помню несколько молитв. Хоть, конечно, я мечтала – как все – стать чирлидером, носить короткие юбки, выглядеть сногшибательно, чтобы и мальчишки, и мужчины постарше ходили за мной по пятам. Но мечты – это то, с чем мне было легко справляться».

Она задумывается, улыбается своим мыслям и поворачивается ко мне: «Представляешь, при всем при этом я очень рано рассталась с девственностью. Просто захотелось попробовать – и понравилось, но потом у меня долго не было парня. Я стремилась к большой цели и никого не пускала внутрь себя – ни в прямом, ни в переносном смысле. Было непонятно, зачем тратить время, знакомиться, переживать и мучиться, когда можно сделать все самой... Первый серьезный бойфренд появился у меня только в двадцать три. Да и продержался он недолго, всего несколько месяцев – и успел надоесть до чертиков. Когда мы расстались, я впервые напилась виски – надо же устраивать себе дни отдыха. Даже и хорошие девочки иногда делают это!»

Я смеюсь, и Эльза тоже. «Потом, – продолжает она, – так все и шло. Подруг не осталось, им со мной было скучно, а поклонники оказывались ублюдками – я начала думать, что никогда уже не выйду замуж. При этом я понимала, что для счастья нужна семья, может даже и дети – или, если это уж чересчур, то хотя бы постоянный мужчина. Я знала, каким он должен быть, у меня имелся список его необходимых черт. Правда, я проявила слабость: сошлась с человеком, подходящим не во всем. Недоставало всего двух пунктов, но и этого хватило с избытком: вскоре он сбежал к официантке из клуба. Впрочем, оно и к лучшему – после этого я сожгла тот список и сделалась пообщительней. У меня стали сменяться любовники – некоторые были очень даже».

«А что твоя сестра?» – спрашиваю я, глядя на ее пальцы. Они проворны, изящны и живут своей жизнью. «Кстати, тебе здесь хочется секса?» – добавляю я неизвестно к чему.

«Я пока не думаю про секс, – откликается Эльза вполне беспечно. – Тут и без секса есть о чем поразмыслить. А с сестрой я поссорилась – навсегда. Я сдала полиции ее друга с порцией кокаина. Мне казалось, все хорошие девочки должны делать так, а не иначе. Нэнси никогда мне этого не простила – к тому же, как раз тогда я поехала в Англию, продолжать учебу. И знаешь, что первым делом я увидела в аэропорту Хитроу? Футболку с надписью *Good girls go to heaven, bad girls go to London!* Это несколько меня смутило – и вся концепция вдруг стала вызывать сомнения. С тех пор я уже не могла верить своей сестре».

Она откидывается на спинку дивана и смотрит на стенные часы. На часах половина пятого – я удивлен, как быстро летит здесь время.

«Скоро встреча с Нестором, – произносит соседка, – а потом сны по заказу...»

Больше мы не говорим ни о чем. Эльза шьет мелкими стежками, опустив голову и улыбаясь чему-то, а я просто сижу, украдкой поглядывая на ее профиль. Сижу и думаю в очередной раз – кто она на самом деле, какова ее роль? И насколько я могу доверять ей?

Глава 5

Нестор встречает меня коротким кивком. Он деловит и бодр, от него исходит энергия увлеченного, уверенного в себе человека. На нем кремовая рубашка и узкий галстук-шнурок. Он похож на ведущего популярной телепрограммы.

«Итак, – говорит он, – утром мы остановились...» – но я прерываю его решительным жестом. Советник удивленно замолкает.

«Подождите, – прошу я, – сначала я хотел бы прояснить кое-что, иначе мой мозг просто отказывается работать. Так, к примеру, почему Карантин? На карантин отправляют тех, кто болен – что, и мы чем-то больны, заразны? И еще, о моей соседке – ее, кажется, не волнуют ни смерть, ни другая жизнь. Сидит себе, вышивает... Ей попросту все равно! Не понимаю, она кто – женщина или фантом, фикция, такая же, как рассыпающиеся тарелки? Сон моего разума, плод дурмана? Мне нужно знать, я не могу бродить в потемках!»

Нестор делает недовольное лицо: «Не ожидал такого от вас. Мы пытаемся говорить о серьезном, а вы сучите ногами, требуя отвлечься на мелочи быта! – Он качает головой и вздыхает: – Хорошо, поясню. Больны ли вы? В некотором смысле, да. Вы страдаете острой формой нестабильности восприятия – себя, мира, себя в мире – можно ли вас назвать здоровым? Даже и не суть, заразно ли это – общество не желает жить с теми, кто столь удручающе растерян, у кого размыты все критерии, ориентиры. Кто не понимает – и оттого не принимает. Кто добавляет беспорядка... Необходимо увериться в том, что ваше восприятие возвращается к норме, и для этого вы должны потрудиться: вспомнить, соотнести, осознать. Какова роль всего, роль и *место* – вас, Карантина, меня, наших жизней?»

«Интересно, – бормочу я. – Нестабильность восприятия... В острой форме... И что, мое „излечение“ гарантировано?»

«Гарантировано? Считайте, что да, – усмехается Нестор. – В том или ином виде. Иногда приходится „излечивать“ радикально, подвергать память коррекции. Бывает всякое – к примеру, маньяки, убийцы, которым нравился процесс... Но к вам это не относится, в вашем файле нет никаких таких пометок. Я, конечно, не должен вам этого говорить, но вот сказал – все же вы такая важная персона...»

Он замолкает, разглядывает меня несколько секунд и подытоживает: «Вот так-то. Что же касается соседки по блоку, тут все в ваших руках. Найдите способ проверить – может, она реальнее вас самого? Я бы сказал, вышивание в этом плане смотрится невиннее, чем бессмысленное черкание значков...» – и он вновь усмехается, кивая на мой раскрытый блокнот.

Я обиженно прищуриваюсь – и не знаю, что ему возразить. Бурчу негромко: «Проверить... Что, залезть ей под юбку?»

«Ну, это вряд ли вам поможет», – язвит Нестор и принимает серьезный вид.

«Что ж, бытовые вопросы, я надеюсь, прояснены, – заявляет он. – Вы готовы слушать? Тогда пойдем дальше – у нас еще остался неохваченным некоторый период времени. Сколько мы прошли в предыдущий раз – около секунды? Первую секунду из четырнадцати миллиардов лет. Как видно, секунда может вместить в себя немало – почти весь предмет вашей карьеры...»

Он опускает глаза, перелистывает несколько страниц и продолжает: «Напомню – все началось со взрыва идеального космоса, в котором не было ничего, кроме пространства, искривленного в невероятной степени и при этом равного себе самому в любой проекции, с любого ракурса. Это опасная вещь – безупречная симметрия. Как безупречное целомудрие – неясно, что за ним стоит, какие скрытые страсти... Вот, ну а потом – кварки, разделение сил, поле Хиггса и обретение массы. Протоны, нейтроны, освобождение нейтрино, устремившихся в вечное странствие... Не смущайтесь, если вся картина немного путается у вас в голове. Это

скоро пройдет: на самом деле вы знали всю эту физику куда лучше меня. Терпение, терпение – а пока пойдем дальше: от сотворения вашей браны к вам лично, какой вы есть».

«В эту сессию, Нестор, вы очень красноречивы», – замечаю я.

«Ерунда, – машет он рукой. – Не пытайтесь меня поддеть, для вас я неуязвим. Хотя, конечно, у нас, советников, тоже бывают черные дни...»

Он задумывается на мгновение и тут же спохватывается: «Не будем отвлекаться. Я предлагаю перескочить через несколько эпох. Давайте пропустим те смутные времена, когда армады частиц разных типов устраивали друг другу геноцид за геноцидом. То одни, то другие захватывали господство – барионы и мезоны, потом электроны, мюоны, фотоны¹⁴... Вскоре наконец начинают формироваться атомные ядра – на их создание у природы уходит чуть больше четверти часа. И вот все застывает в переходной фазе. Ядра будущих атомов и их спутники, электроны, сталкиваются и разбегаются в тепловом безумии. Вселенная дрожит гигантским сумрачным облаком, не развиваясь никуда. Так проходят следующие полмиллиона лет – лет, не секунд! – пока все не остывает до приемлемых температур. И тут происходит чудо: рождается свет!»

«Конечно, никакого чуда на самом деле не было, – добавляет он несколько брюзгливо. – И вообще, у каждого „чуда“ есть своя подоплека, свой источник обмана – это знает каждый священнодеятель. Тогда же, в момент рождения света, фотоны просто вырвались на свободу. Их выпустили из темницы: к ядрам стали приклеиваться электроны, образуя нейтральные атомы – не что иное, как всем знакомые водород и гелий. И вселенная вдруг стала прозрачна! Туман рассеялся, все стало видно – хоть смотреть, прямо скажем, пока было не на что».

«Но нам интересно другое, – Нестор глубокомысленно кивает. – Нам важны совпадения, весьма удивительные в своем роде. Я имею в виду, к примеру, тонко настроенные соотношения масс: массы протона, нейтрона и электрона оказались подогнаны чрезвычайно точно. Как результат, атомы могли существовать достаточно долго, не распадаясь на части. Но и они же, к счастью, были не вечны, стабильны да не совсем: разогрей их как следует, прижми друг к другу – и происходит перерождение. Они оказались способны к рекомбинации в реакциях горячего синтеза – так создавалось многообразие элементов. Никому не хотелось бы состоять лишь из водорода – как-то это уж очень зыбко. А тут пожалуйста: кислород, углерод, железо... Строй не хочю свои маленькие галактические гнездышки!»

«Это поразительно, такое соотношение масс, и вы, Тео, не могли не удивиться, когда осознали все значение и странность, – Нестор тычет в мою сторону указательным пальцем. – Впрочем, удивление ваше было невелико – полагаю, вы уже устали удивляться к тому времени. Вас занимали не конкретные примеры, а их обобщение – вывод, суть. Общая сущность, если не сказать личность – личность того, чью руку вы представляли дергающей за нитки. Чьи чуткие пальцы прощупывали пульс событий – и вносили корректировку, если что не так. Конечно, потом, когда вы предсказали консионны и Объекты Б, ваше удивление, полагаю, и вовсе сошло на нет. Пиетет исчез, вы свыклись с мыслью, что нет ни „личности“, ни ее „руки“ – я прав?»

Я поднимаю ладонь, пытаясь его прервать. В моей руке карандаш, передо мной раскрытый блокнот. «Подождите, мне нужно записать кое-что», – говорю я быстро и черкаю несколько слов, но Нестор не обращает на меня внимания.

«Прав я или нет, мы узнаем позже, – невозмутимо продолжает он. – Между тем события, происходившие у вас на бране, были масштабны, впечатляющи и красивы. Звездные колыбели, гигантские молекулярные облака возникали, уплотнялись, закручивались в спирали. Они сталкивались и мешали друг другу, в них случались локальные катаклизмы. Гравитация медленно, но верно отмежевывала уплотнения и неоднородности – зародыши звезд. На величественном вселенском балу они кружились в своем плавном вальсе – быстрее и быстрее, все больше сжи-

¹⁴ Перечисляются различные виды элементарных частиц.

маясь, раскаляясь до огромных температур. И вдруг – взрыв и ярчайший свет: атомам водорода становилось тесно. Начинался термоядерный синтез – зажигалась звезда!»

«Запишите, – Нестор важно кивает. – Запишите, я подожду: вспышки были прекрасны, их были миллиарды! Записали? А теперь зачеркните, ибо: вовсе не эстетикой интересно то время. Именно в звездах, в естественных природных котлах создавались атомы, из которых состоят планеты – и все-все на них, и вы, Тео, и каждый, подобный вам. За это первым звездам стоит быть благодарным – вы ведь тоже их потомок – но, однако ж, их величественнейшая пляска не слишком вас возбуждала. Вы были сосредоточены на причинах, вам казалось странным тратить время на анализ следствий. Потому и я говорю о них лишь вкратце – хоть в этом периоде таится немало загадок. Вашему поколению казалось, что разгадки рядом – ведь главное вроде было ясно. Лишь некоторые расчеты приходилось подгонять слегка, вводить какие-то искусственные константы – ну да вам, физикам, не привыкать. А в целом последовательность событий была описана вполне верно: да, в звездном сверхскоплении Девы образовалась галактика Млечный Путь, в которой одна из трехсот миллиардов звезд, догорев и ярко полыхнув напоследок, спровоцировала в своей окрестности рядовую космическую драму. Так и возникла ваша планетная система: зажглось Солнце, а из обломков старой звезды образовались планеты, астероиды и луны – пестрая компания небесных тел, обреченных на совместное существование. Это был тот еще бардак – большая коммуналка, скандалы и драки. Тела сталкивались, дробились, меняли спутников и орбиты. Долго-долго притирались друг к другу, пока наконец не остались лишь достойные выжить. Постепенно все успокоилось, гигант Юпитер позаботился о соседях, отогнав своим мощным полем крупные астероиды, и в Солнечной системе установился мир. Воцарились тишь и покой, почти не нарушаемые забредшими чужаками. Планеты встали в устойчивую формацию, их луны заняли положенные места. Более никто уже не мешал друг другу и не лез на чужие орбиты. И одна из планет – ваша Земля, Тео – опять же в результате совпадения многих факторов оказалась подходящей для жизни белковых тел!»

Нестор замолкает и смотрит вбок. В углу экрана появляется картинка: голубая сфера с очертаниями материков. Я помню, что видел ее много раз – и даже знаю, что это такое. Наверное, мне положено проявить эмоции – по крайней мере, Нестор смотрит на меня в ожидании – но никаких эмоций у меня нет. Сфера кажется бесконечно далекой и ничем по большому счету не интересной.

«Ну да, – вежливо киваю я. – Понятно. Тела – небесные, белковые, разные... Кстати, скажите, ваша брана тоже, по-видимому, трехмерна? И на ней, в вашей жизни, то есть в моей новой жизни – там есть хоть что-то, похожее на тела?»

Нестор морщится: «Не спешите. Пока могу ответить лишь кратко, в ваших терминах: *что-то* есть. А к картинке вы до странности равнодушны – на вашем месте многих прошибают слезы».

«Я не сентиментален, – говорю я с ухмылкой. – Наверное, это записано в моем файле».

«Возможно», – Нестор поджимает губы. Похоже, ему обидно, что голубая сфера меня не впечатлила. «Что ж, – продолжает он, – пойдём дальше. Итак, углерод, вода, белки...»

Сфера на экране растворяется и пропадает. На ее месте появляется химическая формула. По-моему, это аминоклуппа, соединенная с радикалом¹⁵.

«Жизнь могла возникнуть и возникла, хоть это и заняло немало времени, – вещает Нестор, не глядя на меня. – Тысячи тысяч тысячелетий, неустанные поиски, комбинации, рекомбинации, эксперименты с большими молекулами, способными к самовоспроизводству. Около четырех миллиардов лет природа колдовала над устройством жизни, тыкалась во все стороны, пробовала все варианты. Средневековым алхимикам, искавшим философский

¹⁵ Составные части аминокислот, из которых строятся белки.

камень, даже и не снилось то количество проб и ошибок, усилий, растроченных впустую в лабиринтах эволюции. Первые девятьсот девяносто девять тысячных долей своего существования ваша планета не была видна за пределами вашей браны – не видна и никому не интересна. Лишь в последнюю тысячную долю – два миллиона лет назад – род Хомо отделился от семейства гоминид, больших человекообразных обезьян. Затем, в последнюю десятую часть этой доли, всего за двести тысяч лет до вашей смерти – миг по вселенским меркам – создан новый вид, Хомо Сапиенс. На планете появилась структура, способная к взаимодействию с консионным полем – человеческий мозг – а потом, в последнюю десятую часть этой десятой части, стали наконец происходить первые активации истинного сознания. Первые Объекты Б начали появляться в метапространстве – там, где оно граничит с вашей вселенной. Их становилось больше и больше – эволюция не стояла на месте. Заодно человечество преуспевало понемногу в понимании окружающего мира. Были важные вехи – Пифагор и Эвклид, затем Ньютон, Максвелл, потом Эйнштейн. Сразу за ним – квантовые поля, давшие начало Стандартной модели¹⁶; после – теория струн, суперструн, бран. Человечество подготовилось к решающему прорыву, к осознанию своей глобальной роли, в его лексиконе появились нужные слова. Это очень важно – слова; за словами потянулась мысль, и наконец объявились вы, Тео, с вашей теорией, над зачатками которой смеялись, с вашей гипотезой о частицах, снующих меж мирами и не видимых никому. Это был очередной прорыв – один из важнейших и, уж конечно, самый интригующий с точки зрения каждой индивидуальной судьбы. Ваша работа доказала, что разум человека не является лишь средством адаптации к реалиям, среди которых он родился и был обречен существовать. Нет, разум, память, весь внутренний мир обрели самостоятельность, куда большую, чем земные реалии – краткоживущие, безнадежно провинциальные. Благодаря вам, Тео, человек зазвучал *гордо* – настолько гордо, как ему и не мнилось. До вас были люди, много думавшие над этим – назову лишь некоторых: Бор, Паули, Юнг, Джеймс... Но все они остановились гораздо дальше от цели, чем удалось пробраться вам – одним не хватало математического аппарата, другим свободы фантазии, а третьим, быть может, разочарования и обиды на окружающих, чтобы не бояться обвинений в мракобесии или даже подсознательно их хотеть!»

Нестор замолкает и несколько секунд смотрит мне в глаза. Потом произносит с заметным пафосом: «На этом месте я хочу сделать официальное заявление. Сообщаю вам, Теофанус, что тут, у нас, очень ценят сделанное вами. Ваши заслуги будут отмечены – полагаю, вас чем-то наградят. Здесь вообще торжествует справедливость постфактум: те, кто в первой жизни опережали свое время, тут в почете – в большом почете».

«Но позвольте, – перебиваю я его, отметив, что он впервые назвал меня моим полным именем. – Погодите, моя теория – вы о ней говорите, но я не помню...»

«Вспомните! – отвечает Нестор неожиданно жестко. Повторяет: – Вспомните, – и смотрит вниз. – Ваш предполагаемый коэффициент памяти весьма высок, почти единица. Значит, вам под силу вспомнить все, практически все. Ну а что не вспомните, вы способны додумать, только нужно стараться – это ваша обязанность, в конце концов».

«И кому, интересно, я обязан? – бурчу я. – К тому же, вы говорите загадками, Нестор. Могу я почитать где-нибудь про консионы? Про их танец – дайте мне хоть что-то, быть может справочник или журнал. И, главное, что же такое Объект Б?»

Нестор наматывает галстук-шнурок на палец, оглядывает меня – молча, оценивающе, как не очень годный экспонат. Потом говорит все так же жестко: «Могу лишь повторить. Об этом. Вы мне. Надеюсь, скоро. Расскажите сами!»

«Странная манера, – я выдавливаю из себя усмешку. – Вы будто специально – с таким нажимом... Может объясните, к чему этот прессинг?»

¹⁶ Теория, описывающая электромагнитное, слабое и сильное взаимодействие всех элементарных частиц.

«Прессинг? – Нестор поднимает бровь. – Вы еще не знаете, что такое прессинг. Факт наличия второй жизни полностью меняет менталитет. Тут у нас, заметьте, никто не верит наивным сказкам. Демагогам, творцам религий здесь непросто – их рецепты бессмертия лишь смешат. Все ресурсы брошены на познание мира – а где ресурсы, там и прессинг, нужно ли объяснять?»

«Что ж до обязанностей, – продолжает он уже спокойнее, – то они есть у всех. В том числе у меня: я, к примеру, должен прямо сейчас решить, как нам двигаться дальше. Я обязан выбрать вам первый сон – из тех, что помогут восстановить вашу память. Этакое снадобье, так сказать, от Морфея. И так...»

Советник делает драматическую паузу, глядит вниз – наверное в мой файл, который неисчерпаем. Потом вновь поднимает на меня глаза и сообщает: «Решение принято. Мы начнем с конца и пойдем навстречу. Согласимся, что главная часть истории – вашей истории, „истории Тео“ – кульминировала на знакомстве с неким русским миллионером, если верить тому, что донес до нас ваш консионный вихрь. А нам приходится в это верить – потому что больше касательно вас, Тео, верить нечему, некому и нет смысла!»

На этом он пропадает – как обычно, не попрощавшись. Я остаюсь один – теперь одиночество благословенно, желанно. Мне нужна передышка – с самим собой, без советников и помощников, без Инструкции, даже без недотроги Эльзы. Это был очень долгий день, *насыщенный* день, как и обещал Нестор. Я хочу, чтобы он закончился наконец.

Через минуту у меня тяжелеют веки. Спинка кресла откидывается назад. В голове путаются слова и мысли, в бессильной памяти – шорох, шелест.

Вскоре я засыпаю и вижу сон – о миллионере Иване Бревиче. И мой следующий сон – на другой день – о нем же. И следующий, и следующий, и следующий.

Бревич

Глава 6

В Замоскворечье, в большом старом дворе, росли три друга – «Ванек», «Санек» и «Валек». Они играли в одни и те же игры, вместе учились в районной школе и были неразлучны до самой юности. Потом пути их разошлись: «Валек» – Валя Сахнов – переживавший несчастную любовь, провалил экзамены и попал в армию, в какую-то засекреченную часть, на многие годы выпав из московских «сфер». «Ванек» — Бревич и «Санек» — Данилов поступили в один вуз, но Данилов учился плохо, а потом, на излете андроповских времен, и вовсе был исключен, попавшись на фарце у гостиницы «Интурист». От военной службы он «откосил» с помощью родственника-врача и прибил к торговле антиквариатом, в которой преуспел не слишком. Ваня Бревич, дисциплинированный и упорный, закончил институт и получил диплом инженера, но по специальности поработать не успел: СССР изготовился к развалу. Настало время кооперативов и шальных денег, и друзья бросились в новорусскую коммерцию.

В ее мутных водах их болтало несколько лет. Вместе и поодиночке они богатели, разорялись, не раз бывали биты, научились ладить с бандитами и милицией, перепробовали множество занятий и, наконец, к концу девяностых остановились каждый на своем. Бревич, сдружившись с человеком из мэрии, стал спекулировать земельными участками, а Данилов, провернув по случайности сделку с партией промышленных кондиционеров, вдруг почувствовал к ним тягу, влился в чужое дело, потом «отжал» его у бестолкового партнера, нашел выгодного поставщика в Европе и начал быстро расти. Кондиционеры завораживали его, он полюбил их всей душой. Принцип их действия так и остался для него туманен, но результат – арктический холод, возникающий из ниоткуда – не переставал восхищать. Он любил стоять перед охлаждающим блоком, выставив руки вперед, навстречу ледяным потокам. Они казались ему свидетельством величайшей победы разума, а сам бизнес приобрел какой-то особый смысл. Данилов расправил плечи, окреп душой и стал чувствовать себя хозяином жизни.

У Ивана Бревича все шло не так гладко. Земельные контракты приносили деньги, но сам процесс был ему отвратен. Ежедневная суета, уговаривание и умащивание гиен и шакалов, наседавших со всех сторон, измельчали душу и оставляли послевкусие клоаки. К тому же, в иерархии участников он оставался на вторых ролях, довольствуясь лишь тем, что перепало ему по милости власть имущих. Это удручало – Бревич был лидером по натуре и ничем, кроме первенства, удовлетворяться не умел. Подневольная роль не подходила ему никак; он скрипел зубами по ночам, вспоминая дневную беготню по кабинетам, и отчаянно завидовал «Саньку», с которым, впрочем, почти не виделся – ввиду разности интересов и недостатка времени у обоих.

Все изменилось летом девяносто восьмого – удача сделала свой очередной кульбит. В июне Иван, измотанный до предела, сказал себе, что с него довольно. Жизнь нужно было менять, и он решил уехать в Америку, на западное побережье, поближе к Силиконовой долине и Голливуду. Он распродал все, что имел, включая трехкомнатную квартиру на Таганке, и конвертировал вырученное в доллары США. Получившийся капиталец он перевел в латвийский банк и стал было хлопотать об американской визе, но тут грянул дефолт. Рубль рухнул, состояние Бревича разом увеличилось в четыре раза в пересчете на российскую валюту, и он, несколько ошеломленный, решил погодить с отъездом и присмотреться к открывающимся перспективам.

Как оказалось, присмотреться было к чему, и одна из перспектив проявилась тут же. Через два дня после «черного понедельника» Бревичу позвонил совершенно подавленный

«Санек» и попросил о срочной встрече. За ужином в ресторане «Пекин» выяснилось, что он набрал кредитов, готовясь к серьезному расширению. Отдавать их было нечем: рублевые потоки, текущие полноводной рекой, превратились в скудный ручеек. При этом часть денег Данилов взял у людей с репутацией очень мрачного свойства. Теперь он готовился к потерям: бизнеса, здоровья, может быть жизни.

Бревич понял: это тот момент, которого он так долго ждал. Не тратя времени на сантименты, он стал действовать решительно и жестко. Подключив свои связи в мэрии, он еще больше запугал Данилова, полностью лишив того воли, после чего выкупил кондиционерный бизнес, вместе со всеми долгами, по смехотворной цене. Самого же «Санька» он оставил в деле на хлопотной должности исполнительного директора – с хорошей зарплатой, но почти без акций.

Так в одночасье из хозяина и владельца Данилов превратился в наемного работника. Он был потрясен до глубины души – особенно тем, с какой безжалостностью друг детства Бревич прибрал к рукам выращенное им почти с нуля. Вначале он пытался делать вид, что они руководят компанией на равных, но быстро понял наивность таких попыток и замкнулся в себе. Удручало его и то, что к кондиционерам Иван относился без всякого пиетета, как типичный инженер-технар. Он даже пытался объяснять Данилову, что такое фазовый переход и фреоновый контур – что расценивалось «Саньком» как еще одно проявление горчайшей несправедливости жизни. Сам же бизнес при Бревиче пошел в гору – еще быстрее, чем прежде. Через два года они, удачно сманеврировав и задействовав административный ресурс, поглотили главного конкурента с развитой сетью клиентов. «Ванек» Бревич стал основным игроком всего кондиционерного рынка и за следующие десять лет превратился в очень обеспеченного человека.

Новый поворот в его судьбе случился в 2012 году. Ивану исполнилось сорок шесть, он был влиятелен, уважаем и богат. Жизнь обрела завидную стабильность, и именно это стало вдруг его тревожить. Что-то утекало меж пальцев, у Бревича начались депрессии, он стал чувствовать непреходящее раздражение и усталость. И вот, после нервного февраля, полного чиновничьих козней и безостановочных ссор с женой, он решил взять паузу и уехать от всего и всех.

Тут очень кстати подоспело приглашение от партнера-поставщика из Эссена. С румяным, жизнерадостным Лотаром они сотрудничали уже не один год и весьма сдружились – неоднократно предпринимая походы по немецким саунам и московским клубам. На этот раз поставщик предложил перенести их встречу из холодной зимней Германии в далекий Бангкок, на что Иван согласился с энтузиазмом.

Бангкок ошеломил его и как-то сразу очаровал, запал ему в душу. Ивана не смущали ни пробки на дорогах, ни неустроенность города, ни жара. Ему даже нравился густой, вязкий воздух, от которого Лотар морщил нос. Подсознательно, не отдавая себе отчета, Бревич ощутил неисчерпаемость вариаций, непредсказуемость, какой-то мощный потенциал неизведанного, ждущего за каждым углом. И еще, с первого же дня он вдруг почувствовал возрождение своего мужского духа – уже было свыкнуться с пресыщением, считая, что женщины больше не могут интересовать его, как в молодости. Тайки пробудили в нем давно забытое – и это нельзя было не поставить городу в плюс.

Его первая бангкокская неделя была посвящена индустрии порока. После беглых визитов в Королевский дворец, Национальный музей и два главных храма Иван отдал инициативу партнеру и они погрузились в безудержные разврат и пьянство. Лотар был знаток и подошел к организации досуга с немецкой обстоятельностью. Они методично перепробовали все – гоу-гоу бары Сукхумвита и Патпонга, мыльные массажи в больших салонах с «аквариумами», шикарные караоке и джентльмен-клубы. Дни летели в черед женских лиц и тел, бесконечных «привет, красивый мужчина», «как тебя зовут?», «откуда ты?» и беззастенчивых «я люблю тебя» в надежде на щедрые чаевые...

В перерывах между утехами плоти Лотар делился с Бревичем мыслями о Таиланде. В свое время он прожил в Бангкоке около трех лет и после приезжал туда каждый год. При этом в его высказываниях преобладал негатив, сводящийся к одному: Бангкок – это город-фейк. Все тут, везде и всюду, утверждал Лотар, пытаются тебя надуть, пытаются всучить тебе ненастоящее, от пиратских дисков до сымитированной любви. Весь Таиланд с его улыбками – это лживый, фарисейский фасад, на деле он не что иное, как страна третьего мира, в основе жизни которой лежат жадность, зависть и строжайшая кастовость, не приглашенные никаким гуманизмом. Но, однако ж, народ едет в Таиланд, претя сюда стадами, и сам он – яркий пример, подтверждение правил. Потому что фейк бывает правдоподобен – и Лотар загибал пальцы, перечисляя: ощущение доброжелательности, те же улыбки, маскирующие неприглядную человеческую натуру, умение получать удовольствие от жизни – все это создает совершенно уникальную атмосферу. Ну и конечно – он разводил руками – конечно женщины, куда же без них...

Дойдя до тайских женщин, Лотар всегда мрачнел и сильнее налегал на бренди. Тон его становился нравоучителен: да, говорил он, тайки веселы, дружелюбны, с ними легко и приятно. Главное, не придумывать себе несбыточного, не заводить отношений – это касается как барных «фейк», так и обычных «хороших девушек». Все закончится катастрофой, жить с тайками невозможно – и он вновь загибал пальцы: безответственность, ненадежность, узость и незрелость взглядов, а также полное нежелание расти над собой. И к тому же, добавлял Лотар, они всегда найдут способ тебя обхитрить. Под улыбчивостью и учтивостью у них скрыт очень холодный, прагматичный разум. И они все время врут – учатся искусству лжи с детских лет и потом совершенствуют его всю жизнь. Врут по причине и без причины, нагромождают одну ложь на другую и никогда не признаются в обмане – даже если ты поймаешь их с поличным. Они будут лишь рыдать или беситься и – делать выводы: как в следующий раз соврать тебе получше!

Бревич верил Лотару – потому что не имел причин не верить. Он и сам видел фальшь во многом вокруг, но при этом что-то постоянно, ежеминутно намекало на поспешность его суждений. Даже улыбки девчонок из баров будто стыдили: все не так просто. За неустроенным, примитивным внешним скрывалось внутреннее, до которого не докопаться так сразу... К концу недельного загула Иван вдруг стал чувствовать, что зря теряет время. И решил остаться еще дней на десять – уже без Лотара, улетевшего в свой Эссен.

Из туристического Сукхумвита Бревич переехал в тихий пятизвездочный отель в Читломе и сразу будто попал в иной мир. Весь день, до сумерек, он просто бродил без цели по улицам жилых районов, где не было ни одного иностранца. Солнце палило, пот струился с него ручьями, а вокруг текла незнакомая ему жизнь без всякого намека на фейк. Бревичу не мешали ни духота, ни пыль, ни узкие улицы без тротуаров, ни чадающие бензином скутеры. Он жадно разглядывал все кругом, а вечером с удивлением отметил, что это был лучший день его поездки.

Рядом с отелем располагался скромный офис экскурсионного агентства. Бревич зашел туда на следующее утро – просто из любопытства, проходя мимо. За столом сидела девушка – она подняла на него глаза, и он понял, что во всем Таиланде нет и не может быть никого прекраснее.

«*Welcome*, – улыбнулась она. – Меня зовут Нок. Если вам нужна экскурсия, то это ко мне».

«Да, экскурсия, – кивнул Иван. – Или, может, несколько экскурсий...»

Отчего-то он изрядно смутился, чего с ним не случалось уже давно. Ему хотелось разглядывать ее, не отрываясь, поэтому он смотрел то в сторону, то вниз, в пол.

«Хорошо, – Нок продолжала улыбаться. – Давайте выберем даты».

«Можно прямо сегодня. И потом еще... Пожалуй, три экскурсии. Или нет, пять», – пробормотал Бревич. Он просто не мог себе представить, что вот сейчас она исчезнет из его жизни и последующие дни – абсолютно пустые и скучные – потянутся без нее.

К его удаче, дела турагентства шли не очень бойко. Иван вздохнул с облегчением и тут же выкупил все экскурсионное время до своего отъезда.

В тот же день они отправились в парк Муанг Боран и провели там несколько часов. Время пролетело незаметно – им как-то сразу стало легко друг с другом. Теперь, когда его правам на Нок ничто не угрожало, Иван расслабился и повеселел. Она, в свою очередь, перестала его бояться. Сначала он показался ей слишком большим, чужим и грозным, но первая же его несколько растерянная ухмылка убедила ее, что он не нанесет ей вреда.

Муанг Боран – Таиланд в миниатюре – произвел на Бревича впечатление. Нок показала, как выглядит место, где она провела все детство – северная провинция Пфетчабун. У пруда стоял дом на сваях – почти точная копия ее жилища. Они заглянули внутрь, прошлись по комнатам, она рассказала про своих родителей – небедных фермеров, выращивающих кукурузу и рис. Отец был крайне консервативен – ей вообще не разрешалось дружить с мальчишками. «Парни отвлекают, – говорил он, – а ты должна получить стипендию в университет!» По вечерам и выходным он сидел у телефона и сам отвечал на все звонки... Нок говорила об этом с некоторым ожесточением в голосе, но тут же добавляла, что любит свою семью больше всего на свете. И ни на что не обижается – просто она была первым ребенком, на ее примере они учились иметь дело с детьми...

Иван задавал вопрос за вопросом и понемногу – в самом парке и за поздним ланчем – узнал всю историю ее жизни. Нок было двадцать восемь лет, из которых последние двенадцать она провела в Бангкоке. До того она ни разу не выезжала за пределы своей деревни, где жила обычной жизнью деревенской девчонки: помогала на ферме, убирала в доме, ухаживала за буффало, купала их в реке. Много времени проводила в лесу с соседскими детьми – они придумывали множество игр, а в сезон дождей, когда река разливалась, прыгали прямо с веток деревьев в желтую воду и плавали наперегонки... То было очень счастливое время, но потом пришла пора взрослеть, и старшие классы школы Нок провела уже в столице, у незамужней сестры отца. Та следила за ней очень строго, и вообще в большом городе не было ни глотка свободы по сравнению с деревенским раздольем. Не было простора, леса и буффало, везде сновали машины и суетились люди.

Нок свыклась с городом уже в университете – она получила-таки стипендию к безмерной гордости отца. Он устроил торжество для всей деревни и даже дал согласие на переезд Нок из дома тети в университетское общежитие. Учиться ей нравилось – к тому же, у нее обнаружилась способность к языкам. Это позволило ей побывать в Австралии по программе обмена, а также найти работу в хорошем отеле. Там за пять лет она доросла до административной должности, но вдруг ощутила тягу к независимости и открыла собственное турбюро. Бизнес шел неровно, но Нок не унывала – все же у нее были отдельная квартира, старая Хонда и множество планов...

Про что Нок не рассказала Ивану, так это про свою личную жизнь, с которой у нее ладилось не очень. Проблемы начались с переезда в Бангкок – она чувствовала себя провинциалкой, не похожей на местных детей. Черты ее лица выдавали нестоличное происхождение – к тому же, она была слишком высока для тайки. Ситуацию скрашивала довольно-таки светлая кожа, но она все равно стеснялась своей внешности, к чему добавлялась непривычка к общению с противоположным полом, как результат неусыпной бдительности отца. До самого конца школы ее мучила неуверенность в себе, и лишь в университете Нок воспрянула духом благодаря успехам в английском. В двадцать лет у нее появился тайский бойфренд, такой же студент, как она. В соответствии с традицией, мнением подруг и ожиданиями семьи, она считала, что должна выйти за него замуж, завести детей и прожить с ним всю жизнь, но этому не суждено

было сбыться. Через два года мама «жениха» заявила, что свадьбы у них не будет – ибо Нок с севера, а северные девушки известны своей ленью.

Это было воспринято как катастрофа – всеми и особенно ее подругами. За время переживаний Нок проделала большую душевную работу, изменившую ее восприятие жизни. Она решила, что ей больше не интересны, во-первых, ничьи мнения, во-вторых, ровесники-тайцы и, в-третьих, тайские мужчины в целом – ввиду наличия у них заботливых мам.

Позже у нее завелись один за другим два любовника-иностранца. С ними ей было проще – не требовалось делать вид, что она скудоумнее, чем на самом деле, не нужно было повторять раз за разом «О, я так глупа!» или «О, я так занудна!», заботясь о мужской самооценке. Видимо поэтому, проведя лишь пару недель с первым своим *фарангом*¹⁷, Нок стала считать его «мужчиной навсегда». Это, однако, не нашло взаимности: вокруг было слишком много соперниц, у избранника разбежались глаза. Через месяц он с ней расстался – Нок вновь довольно долго переживала этот факт, но в конце концов пережила.

Затем она познакомилась с другим европейцем, они встречались около года, после чего он неожиданно покинул Таиланд и перестал отвечать на письма. Нок даже не удивилась, приняв это как должное. Ей уже было ясно: все дело в карме. В любви ей суждено терпеть неудачи, да и к тому же подходящих ей мужчин в мире так мало, что встретить их едва ли реально. Потому остается лишь успокоиться и не принимать любовные драмы близко к сердцу.

Конечно, это легче было сказать, чем сделать, однако Нок сумела убедить подруг в искренности своей новой «доктрины». Ее стали считать похожей на женщин Запада – прогрессивной и независимой, знающей, чего она хочет от мужчин, и строящей отношения исключительно с холодным рассудком. Нок говорила – и себе, и другим – что вокруг сердца у нее появилась стена, и лишь она сама решает, когда и насколько приоткрыть в ней дверцу. Это звучало убедительно вполне – ей верили и даже завидовали иногда. Жаль лишь, что на практике концепция прогрессивности реализовывалась как-то вяло: уже около года у нее не было бойфренда.

Тем не менее Нок старалась не терять оптимизма. В своей ситуации она искала плюсы – например, благодаря «стене» вокруг сердца можно было без опаски общаться с мужчинами, быть с ними непринужденной и раскованной, что помогало бизнесу. Так случилось и с Бревичем – тем более она сразу, по-женски, почувствовала его личностную силу. С сильными людьми ей было легко – они не искали поводов для самоутверждения. С ними можно было не притворяться – это Нок ценила больше всего...

Они вернулись в Бангкок ближе к вечеру, и Иван, чуть помявшись, пригласил ее выпить кофе. «Ну конечно, – пошутила Нок, – как я могу отказаться? Ведь мое оплаченное время еще не кончилось!» Это сильно смутило Бревича, он стал косноязычно оправдываться, что, в свою очередь, смутило Нок. Они поднялись в бар на крыше его отеля с хорошим видом на город. Уже темнело, зажигались огни. Обстановка была весьма романтична, но Иван не понимал, куда и как развивать события дальше. В результате он просто проводил Нок до машины и отправился ужинать, досадуя на свою неловкость.

На следующий день они поехали в Аюттайю, древнюю столицу Сиамы, павшую под натиском бирманских племен. Нок пришла в другой одежде, сделала что-то неувелимое с волосами и стала совсем иной. Бревич даже не сразу ее узнал, она же встретила его ироничной шуткой, как старого знакомого – ей уже не нужно было к нему привыкать. По дороге, исполняя обязанности гида, она рассказывала что-то историческое, но Иван слушал вполуха, больше делал вид, повернувшись к ней и разглядывая ее профиль. Профиль Нок был куда интереснее – он будто сам по себе намекал на самые захватывающие из историй. Все они вместе создавали вокруг нее

¹⁷ Европейцем (тайск.).

прочную оболочку, казавшуюся непреодолимой. Непреодолимость чрезвычайно раздражала Бревича, он размышлял над ней почти всю дорогу.

На парковке Нок купила свежий кокос и воткнула в него две трубочки. «Я – аддикт кокосового молока», – призналась она Ивану, приглашая присоединиться. Так, с кокосом в руках, они вошли в ворота старого города и долго бродили среди камней и руин, статуй Будды и полуразрушенных храмов.

Подойдя к каналу, окружающему крепостную стену, Нок сказала: «Бирманцы вели осаду полгода, но Аюттайя не сдавалась, пока кто-то не выдал им секрет – как проникнуть внутрь через потайные шлюзы».

«Да-да», – рассеянно кивнул Иван, думая, кто бы выдал секрет ему – как пробраться к душе Нок через какие-то неведомые входы. Увы, их не было ни на одной карте. Он, конечно, подозревал, что тоже может нравиться ей, но не имел понятия, что на самом деле творится у нее в голове.

Потом опять был бар на верхнем этаже отеля. Вновь он почему-то не стал приглашать ее на ужин и лишь проводил до машины, но при этом Нок несколько раз коснулась его рукой, а на прощание, будто оступившись, прислонилась к нему на миг.

«Ого, – сказала она, – ты наэлектризован, между нами проскакивают искры!»

Ее слова и ощущение ее гладкой кожи невероятно разволновали Бревича. Он отправился бродить по улицам, свернул не туда, целый час плутал в темноте, одуревая от духоты, а потом, в отеле, наспех переодевшись, вернулся в бар, уселся за тот же столик и долго отпаивался ледяным джин-тоником, размышляя над происходящим.

Происходило странное, несоотносимое ни с чем. Он был взрослым мужчиной и всегда знал, чего он хочет, можно ли этого достичь и как это сделать. Сейчас он не был уверен ни в первом, ни во втором, ни в третьем. Нок притягивала его безмерно – несмотря на предупреждения Лотара о коварстве таек. Несмотря на его прошлое и весь опыт русского бизнесмена, повидавшего очень многое. Он твердо верил: если что-то выглядит слишком хорошо, чтобы быть правдой, значит это не правда, это подделка. Это трюк города-фейка – но где, в чем этот трюк был скрыт, что он из себя представлял, Бревич не понимал и не желал гадать. Он хотел лишь одного – как можно скорее вновь увидеть девушку, очаровательнее которой он не знал. Вновь испытать невероятное удовольствие – быть с ней рядом, наблюдать за ней, говорить с ней. Она, в отличие от прочих женщин, так естественна во всех своих проявлениях! В то же время она умна и по-особому, экзотически сексуальна. Жаль лишь, что он так и не может взять в толк, как же именно вести себя с ней дальше...

Мысли Бревича суетились, металась, сталкивались, мешали друг другу. Со стороны, однако, никто не сказал бы, что его изводят сомнения. Он сидел с блаженной улыбкой на лице, откинувшись на спинку стула и глядя вдаль. Поверх небоскребов, в полное звезд небо, в жаркую бангкокскую ночь.

Глава 7

Утром Нок повезла Ивана на западный берег реки Чао Прайя. Целью был обязательный для туристов храм Утренней зари, а после они выбрались на узкое шоссе, свернули к югу и провели полдня в пригороде Тонбури, жизнь которого будто не изменилась за последние сто лет. Бревич жадно разглядывал все вокруг – старые дома в зарослях кустарника, почти их поглотившего, небольшой плавучий рынок «для своих», ферму орхидей между каналами-клонгами, местных жителей на велосипедах в лабиринте тесных улиц, над которыми смыкались листья пальм. Таиланд открывался ему еще одной своей стороной. Время от времени Бревич даже начинал чувствовать что-то особое – к стране, к ее людям – но не успевал осознать это чувство. Ему было не до того: все его помыслы занимала Нок.

Она еще изменилась на третий день – будто сбросила часть покровов, и Иван мог теперь видеть глубже внутрь. Многого, впрочем, он не разглядел, лишь отметил, что весь ее облик, все улыбки, жесты, несмотря на городскую одежду, находились в гармонии с окружающим, включая неухоженность и нищету. На обратном пути, глядя из окна машины на переплетения кустов и лиан, на плавучие цветочные ковры в небольших прудах и заводях, Бревич думал о парниковом тайском климате: здесь все созревает очень быстро, обильно, буйно. Так же и тайки растут во влажном тепле, как яркие причудливые цветы. В парнике рождается и выживает многое – быть может, с этим связана их терпимость к проявлениям жизни в разных ее формах? Изначальная благосклонность ко всему живущему – даже и непривычному, не похожему ни на что. И умение любить жизнь, какой бы она ни была. А в общении они, как цветы, раскрываются постепенно, не сразу...

Потом был ланч в ресторане у реки. Там они сидели долго, Нок рассказала ему про свою первую любовь и неслучившуюся свадьбу, а он ей, неожиданно для себя, про жену, с которой они давно потеряли интерес друг к другу. Затем Нок привезла Ивана в отель; он, как обычно, пригласил ее на кофе. Они пошли к лифту, касаясь друг друга руками. На ходу она достала какой-то буклет из сумки, Бревич наклонился, чтобы лучше видеть, вдохнул запах ее волос и вдруг почувствовал такую с ней близость, что следующий шаг случился сам собой.

Он сказал, как бы в полушутку – мол, кроме бара в его отеле есть и другие занятные места. Например, его номер – да, и кстати: он привез из России заморскую водку, которую она не пробовала никогда в жизни. Нок рассмеялась – нет, она не пьет крепкие напитки. Ха-ха, рассмеялся и Бревич, тогда у него есть еще секрет: может даже где-то в углу завалялась пара кокосов. Ого, удивилась Нок – тоже в полушутку, с лукавой улыбкой – от такого, конечно, трудно отказаться...

Все это происходило легко и весело, без всякого стеснения и смущения. Иван так и не понял, приняла ли она его всерьез, согласилась пойти к нему или нет. В лифте, однако, он нажал кнопку своего этажа. Нок не возражала. Выйдя из кабины, они пошли по коридору, все так же касаясь руками. В номере он сразу обнял ее. Она не сопротивлялась.

После они оба почувствовали острый голод, отправились в китайский ресторан по соседству, с аппетитом ели, много смеялись. Бревич то и дело ловил себя на мысли, что ему не было так хорошо уже много лет. Нок стала еще красивее после секса – он был горд своей девушкой, сидящей рядом. И был горд собой – чувствуя будто новую молодость, мощный прилив сил. Жизнь лишь начиналась, и он, казалось, был способен на столь многое...

Всю оставшуюся неделю они провели в Бангкоке, не выбираясь за его пределы. Встречались утром, около одиннадцати; Нок придумывала маршрут, везла Ивана в новое место, где город являл ему очередное свое лицо. Часа через два-три становилось совсем уж жарко, и они искали хороший салон для фут-массажа, а затем кафе для ланча – тут инициативой вновь владела Нок. К быту Ивана и особенно к его еде она относилась с большим вниманием – пере-

спрашивала, все ли ему по вкусу, не слишком ли остро, хочет ли он еще пива. Ревностно интересовалась его мнением о тайских блюдах и чередовала восточную кухню с западной, хоть сама не любила *фаранг-фуд* и почти все оставляла на тарелке.

После ланча они шли в номер и там проводили время до ужина. Нок всегда возила в машине вечернюю смену одежды – ужином распорядился Иван, что означало дорогие рестораны и бары с живой музыкой. Затем они вновь возвращались к нему, а рано утром Нок уезжала к себе, никогда не оставаясь на завтрак. Почему-то ей казалось, что так она сохраняет тень имиджа «хорошей девушки».

Лишь только за Нок захлопывалась дверь, Иван начинал по ней скучать и к моменту их встречи успевал серьезно затосковать. С ее появлением, впрочем, жизнь сразу налаживалась – она была великим лекарем любой тоски. Начиналось новое калейдоскопное действие, одно сменяло другое – город, Нок, еда, снова Нок, ее голос, ее слова, ее тело... Декорации, образы, звуки, запахи сталкивались, перемешивались, и это хорошо отражало сумятицу в его голове. Все затихало и останавливалось лишь ночью. Нок засыпала мгновенно и не просыпалась до утра, а Бревич долго лежал без сна. Он смотрел на ее лицо – поражаясь без устали предельной гармонии его черт. И пытался разъяснить себе содержание и смысл их «истории».

Безусловно, история была замечательна, экстраординарна. И – столь же непонятна, как и в первый день их знакомства. Нок заняла непривычно большое место в его душе, однако он не мог ни очертить его границ, ни тем более дать ему названия. Точно так же ему оставалось лишь гадать, что она сама думает про него и их связь. Каждый день он узнавал о Нок много нового и все равно чувствовал, что она для него – тайна за семью печатями.

Иван знал, что Россия богата на женщин, которые щедры в любви. Он вспоминал их – москвичек и петербурженок, плотнотелых девок из Новгорода и Самары, темнооких казачек с Дона, русоволосых, жадных до ласки девчонок из пустыющего Подмосковья... Многие были хороши на свой лад, многие радовали его по-своему – не оставляя ничего в запасе, делясь и сами получая взамен. Бревич был уверен, что его давно нельзя ничем удивить, однако Нок сумела стать чем-то неожиданным, новым. Она не делала ничего особенного в постели, просто была абсолютно искренна. Ее запах, аромат гвоздики, постоянно держал его в предвкушении близости. Каким-то образом она умела мгновенно возбудить его обычнейшими прикосновениями. С ней он будто вернулся в молодость, во времена горячих желаний. Он снова делался неуправляем, постоянно готов, на все способен – но дело, конечно, было не только в этом.

Иван пытался сформулировать, в чем именно – и всякий раз пасовал. Он лишь чувствовал, что находится в зоне необычайного душевного комфорта, который Нок создает без всяких усилий. При этом она отнюдь не была податливо-послушна, у нее на все имелось мнение, которое она даже и не думала держать в себе. Как-то раз она сказала: «Ты принимаешь решения, я следую за ними и за тобой – но если я не согласна с чем-то, я сообщу об этом сразу». Так она и поступала, удивляя его сочетанием женской мягкости и непоколебимой твердости, проявляемой в бытовых мелочах. Твердость, он видел, не была связана с желанием непременно настоять на своем. Нок лишь хотела уберечь его от вещей, которые ему, скорее всего, не понравятся – чтобы он, находясь с ней, не испытывал отрицательных эмоций. Это казалось непривычным – его прежние женщины не были столь целены в своей заботе. И почему-то он чувствовал: ее интерес к своему мужчине не иссякнет скоро; он надолго...

Тут, на категориях времени, Бревич яростно себя одергивал. Как бы ни хотелось думать иначе, он не сомневался, что их роман закончится с его отъездом. Слишком разные судьбы, далекие страны – с этим, он понимал, очень трудно спорить. На расстоянии ничто не живет, и несхожесть культур быстро станет проблемой... Мысль была тягостна; чтобы отвлечься, он ругал себя, пытался представить все с другой стороны, сбросить розовые очки. Напоминал себе услышанное от Лотара: тайки – все без исключения – мастерицы приврать. Лотар прожил здесь

долго, у него было время разобраться. Наверняка у Нок есть какая-то своя «повестка», свой корыстный мотив...

Бревич поворачивался, смотрел на ее лицо, на черные волосы, рассыпанные по подушке. Тут же становилось ясно: Лотар ни при чем. Ложь, корысть... Какая чушь! Нок лишь отдавала, ничего от него не требуя. Даже порывалась платить за себя – такое Бревич видел впервые. Если у нее и был скрытый план, трудно даже вообразить всю его изоэтрность.

Он вздыхал, ворочался, иногда вставал и шел пить воду. Вернувшись, менял тактику, говорил себе – мол, смешно представить, чтобы такая девушка могла всерьез увлечься им, немолодым, некрасивым, угрюмым. На ней самой розовые очки – она напридумывала себе небылиц, пусть даже и без всякого расчета. Тайки любят воображать всякое, они живут в фантазийном мире, полном призраков, духов, грез. Скоро пелена спадет с ее глаз, и она увидит: он много старше ее, потрепан жизнью, вовсе не позитивен. Между ними языковой барьер и огромное количество заморочек, бороться с которыми – немалый труд. Нок прозреет, нет сомнений, потому – нужно просто пользоваться моментом. Тем более что она, по счастью, не пристаёт к нему с разговорами – ни о будущем, ни о каких бы то ни было чувствах.

Это действительно было так, хотя однажды она спросила Ивана, словно в шутку: «Как ты думаешь, ты мог бы меня полюбить?» Иван мучительно застеснялся, закашлялся, и Нок тут же стала исправлять ситуацию: примеривать одежду у зеркала, строить смешные рожицы, делать селфи. Больше эта тема не поднималась ни разу – до последнего дня перед отъездом, который настал внезапно и неотвратимо.

Была суббота; с утра Нок повезла его в буддистский храм. Одарив монахов едой, они провели два часа на церемонии медитации. Процесс захватил Бревича – своим устойчивым, неторопливым ритмом. Тайцы – молодые и пожилые, юные, совсем дряхлые – приходили, снимали обувь, садились на деревянный помост, закрывали глаза. С трех сторон стояли камеры, на больших экранах проплывали сосредоточенные, умиротворенные лица. Бревич наблюдал за этим наимедлительнейшим действием, почти бездействием, как за остросюжетным фильмом. В его упорном, безостановочном развитии будто была скрыта квинтэссенция всех реалий. Теперь она приоткрывалась ему – по чуть-чуть – и даже тайский речитатив из репродуктора обретал смысл. В нем, наверное, говорилось о другой жизни, в которую Бревич хотел бы вернуть свою.

Он спросил Нок, о чем эти слова. Она сказала – это слова Будды. О душе и об отражениях в ней. О том, что все имеет конец и не имеет конца. О том, что сделанное тобой кому-то вернется рано или поздно – с неизбежностью предопределенности.

«Я так и думал», – кивнул Иван. Ему казалось, все это и впрямь было в его мыслях.

«*The ocean tastes of salt, but its dharma has the taste of freedom*¹⁸», – перевела Нок.

«Я так и думал», – пробормотал он, вспоминая ее запах гвоздики, ее сладко-соленый вкус.

«*Let those who can hear respond with faith*¹⁹», – еще перевела Нок.

«Да, – сказал Иван. – Я так и думал».

Ему вдруг страшно захотелось веры – не в какого-то из богов, а в то, что происходит вокруг него. Что это не фантазия, которая рассеется уже завтра, а нечто незыблемое, реальное. Захотелось, чтобы течение их истории с Нок вошло в тот же медленный, медитативный ритм – или даже вовсе остановилось.

Но нет, остановка была не предусмотрена, невозможна. Церемония закончилась, к помосту вышел пожилой монах и стал беседовать с присутствующими, а Иван с Нок пошли

¹⁸ Во вкусе океана – соль, но его дхарма имеет вкус свободы (англ.).

¹⁹ Пусть те, кто могут слышать, откликнутся верой (англ.).

к машине. Она поехала к себе, а Бревич вдруг почувствовал навалившуюся усталость и, вернувшись в отель, проспал до сумерек тяжелым, свинцовым сном.

Вечером они встретились в торговом центре, который славился своим кинотеатром – Иван сказал, что не прочь посмотреть новый американский боевик. На самом деле, он хотел купить Нок прощальный подарок, считая это своей обязанностью. Его план был прост – привести ее к дорогим бутикам, где она сама выберет что-то на свой вкус. Это всегда работало в России, но тут Нок отказалась наотрез. И пошутила, глядя в сторону: «Если ты хочешь оставить мне что-нибудь, чтобы я тебя вспоминала, то не волнуйся – я и так вряд ли смогу тебя забыть».

Тогда Бревич просто взял ее за руку и повел на второй этаж, к ювелирным салонам, зная, что на людях она не будет протестовать в открытую. Не обращая внимания на ее округлившиеся глаза, он зашел в первый попавшийся магазин, где на них налетела стайка мяукающих продавщиц с цепкими, хищными зрачками. Иван нахмурился, засопел, но тут рядом оказался пожилой менеджер-китаец, сразу оценивший ситуацию. Он одним движением мизинца отогнал продавщиц прочь, потом, видя, что Нок чувствует себя неловко, усадил ее за журнальный стол в стороне, на котором тут же появилась чашка кофе, а сам вполголоса провел с Бревичем пятиминутный разговор. По его окончании Иван купил браслет за несколько тысяч долларов, сам надел его на тонкое запястье Нок, и они ушли из магазина, провожаемые завистливыми взглядами.

После фильма был ужин на крыше одного из небоскребов. По просьбе Бревича им дали угловой столик у ограждения – они сидели, как на носу корабля, взмывшего над городом на гребне мощной волны. Уже спустилась ночь, Бангкок простирался под ними, словно звездная карта. Рядом мерцал неон подсветки, все вокруг казалось фантастическим, сказочно-зыбким.

Нок попросила сфотографировать ее на фоне ночного города – и подошла к ограде, повернулась к нему серьезным, строгим лицом. Ветер подхватил ее волосы, разметал их; она подняла руки, браслет скользнул от запястья к середине предплечья, сверкнув алмазными искрами. Тонкое платье облепило ее тело, вся она будто изготовилась к полету, почти уже оторвалась от пола, чтобы унести – ввысь, прочь... Это длилось лишь несколько секунд, но Бревич пережил, вобрал в себя жест за жестом, миг за мигом – навсегда впечатав их в память. Ему даже казалось, что он услышал слова – наверное, слова Будды. Ход вещей замедлился наконец, все застыло, остановилось. И – тут же понеслось вновь.

Жизнь продолжалась, время текло неумолимо – в звоне посуды и музыке из бара, в угодливых улыбках официантов, в быстрой смене напитков и блюд. На календаре была все та же суббота – и уже подходила к концу. Несмотря на романтику обстановки, ужин как-то не клеился, разговор не вязался. Нок вела себя странно, говорила глупости, заказывала коктейли и отставляла их в сторону, упрекала Ивана, как бы в шутку, что он старый, толстый и совсем не говорит по-тайски. Бревич пытался острить в ответ, но выходило плохо – к тому же, она почему-то не понимала его английский.

В ту ночь они оба мало спали – просто лежали, обнявшись, после короткого, необязательного секса. Утром Нок повезла его в аэропорт. Регистрация прошла быстро; после они стояли несколько минут у ВИП-турникета, чуть касаясь друг друга, как подростки. Нок, собрав все силы, сказала положенные фразы – про комфортный полет и про то, что она будет рада когда-нибудь увидеть его вновь. Иван угрюмо молчал. Она добавила с улыбкой: «На эту тему есть много штампов, даже не нужно ничего придумывать, можно просто почитать в Интернете. И успокаивать себя сколько влезет – мол, у каждого своя жизнь. Мол, нужно двигаться вперед...»

Бревич хотел обнять ее в последний раз, но она вдруг отпрянула, взгляделась в его лицо и воскликнула чуть ли не с ненавистью: «Только не вздумай меня забыть!» И через секунду уже обнимала его сама, льнула к нему, прижималась всем телом. Он шептал ей что-то, в душе

зная: «забыть» – это именно то, что он намеревается сделать. То, что правильно, разумно для них обоих, и – чем скорее это произойдет, тем лучше.

В зоне вылета он выключил телефон, вынул и выкинул тайскую сим-карту. На пути к самолету бормотал себе что-то в духе Лотара, вспоминая, как мантры, свои подозрения и ночные раздумья. Но язык ворочался с трудом, а в салоне лайнера все слова перестали что-либо значить. Он вдруг понял отчетливо, с предельной ясностью, что раздумывать было вовсе не над чем и что Нок просто любила его изо всех сил своим большим азиатским сердцем – каждую минуту, каждый миг. Тут же он осознал, как это безумно горько – никогда больше ее не видеть. С болью этого осознания он мог бороться единственным способом, который знал – алкоголем. Потому в течение всего полета Иван Бревич был серьезно пьян.

Глава 8

После отъезда Ивана Нок провела ужасные три недели. Дым рассеялся, стало ясно: мир для нее изменился навсегда. Новой его сутью была пустота – до того она не представляла, что пустого места может быть так много. И еще она поняла кое-что про стены вокруг сердца – их свойство в том, что они истончаются с каждым часом, если ты счастлив с кем-то. Ее собственная «стена» исчезла без следа после их первой совместной ночи. Теперь уже не имело смысла скрывать это от себя самой.

Ей некому было пожаловаться, не с кем поделиться. Подруги не поняли бы ее – «хорошая» тайская девушка не может лечь в постель с женатым *фарангом* на третий день знакомства. Если же, с некоторой натяжкой, приплести сюда веление прогресса, объяснить все равенством полов и просто желанием поразвлечься, как это делают мужчины, то не вполне понятно, при чем тут сердечные терзания. «Прогрессивная» Нок должна контролировать ситуацию, а не влюбляться и терять голову – даже и несмотря на опостылевшее одиночество...

Как-то вечером она смотрела тайский телеспектакль, героиня которого обнаружила, что может пробираться в другое время через старое зеркало на стене. Там, вполне ожидаемо, у нее случилась любовь. Случилась драма, грозящая раздвоением, бездной несчастий и морем слез. В конце концов ей пришлось выбирать между реалиями и зазеркальем; в качестве выбора героиня швырнула камень в коварное стекло, закрыв себе дорогу в другой мир навсегда... Вытирая глаза, Нок пошла в ванную и там долго смотрела в зеркало над умывальником. С его помощью было не попасть ни в далекую страну Россию, ни в недавнее время, когда Иван обнимал ее, был с ней рядом. Однако же она знала: иной мир существует и раздвоение – вот оно, налицо. Ей тоже придется сделать выбор – с зеркалом или без – и что-то должно подать об этом знак.

Знак не заставил ждать себя долго. Вскоре Нок, поднявшись по лестнице на станцию надземки, вдруг почувствовала себя плохо. У нее помутнело в глазах, она опустилась прямо на перрон, потеряв сознание на несколько секунд. Пожилая женщина, стоявшая рядом, помогла ей подняться, отвела к скамейке, спросила, что с ней произошло. Нок сказала: «Я видела тьму». Действительно, во время обморока ей мерещились ужасы и страхи, какие-то пугающие тени, которые она не хотела вспоминать.

На другой день она узнала, что беременна. «Откуда ты родом?» – поинтересовался врач и пошутил про плодородие ее земли, провинции Пфетчабун. Нок улыбнулась ему в ответ – радостно, почти безмятежно. Станным образом известие успокоило ее, она поняла – вот он, жест судьбы.

Ее мысли и чувства прояснились, картина мира выстроилась окончательно. Она с легкостью ответила себе на вопросы – казалось, их было множество, но на деле значимость имели лишь два. Об аборте нельзя было даже думать – по буддистским понятиям это был бы страшнейший грех, невозстановимая порча кармы. Значит, сказала себе Нок, у нее будет ребенок. И признала тут же: отец ребенка, Иван – это единственный человек, с которым она хочет жить. Дело было не только в чувствах – ее влюбленность никуда не делась, но к ней добавилось кое-что еще. Сознание Нок вернулось к базовым установкам, перед нею встал вызов – создать своему ребенку достойную жизнь. Ответ на вызов был очевиден: Бревич. Он был решением всех проблем, оптимальным образом заполнял все бреши.

Чтобы окончательно укрепиться в своем мнении, она сделала то, что на ее месте сделала бы любая тайка – пошла к предсказательнице судьбы. Та, молодая еще женщина с крупными и властными чертами лица, сразу спросила: «Ты беременна, не так ли?» Нок молча кивнула. Предсказательница разложила карты, долго разглядывала их, двигала по столу, потом заявила со вздохом: «Твои шансы остаться одной или быть с мужчиной, которого ты любишь, примерно равны, половина на половину. Тебе, конечно, это не нравится, но, поверь мне,

фифти-фифти – не так уж мало. Твой мужчина, я вижу его: большой, высокий, много старше тебя. *Фаранг*, конечно».

Нок сказала робко: «У него есть жена».

«Что с того? – предсказательница пожалала плечами. – Жена, по всему судя, больше ему не интересна. Раз она допустила такое, значит, это никчемная женщина – он ее оставит и потом никогда не вспомнит. У него просто не было причин задуматься, а теперь – теперь есть ты и то, что у тебя в животе!»

Тем же вечером Нок начала действовать. У нее сохранилась бизнес-карточка Бревича, но пользы от этого оказалось мало. Два ее электронных письма вернулись обратно – их не пропустила спам-защита корпоративного сервера, о которой Нок, конечно же, не имела понятия. На другой день она позвонила на служебный номер, но и это ни к чему не привело. Заграничные контакты Ивана ограничивались Германией, и его секретарша, неплохо владея немецким, почти не говорила по-английски. Англо-тайский выговор она не поняла вовсе и не посчитала нужным вникать в ситуацию дальше, а просто положила трубку. Нок позвонила еще раз – с точно таким же результатом. Тогда, поразмыслив немного, она приняла невероятное на первый взгляд решение: лететь в Москву, чтобы найти там Ивана и поговорить с ним лично.

Если бы Нок могла обсудить это с кем-то, ее разубедили бы и поездки бы не случилось. Путешествие без попутчиков в далекий западный мир и тем более в холодную, недружелюбную Россию показалось бы чем-то невыносимым любой из ее подруг. Но советчиков не было, подруги оставались в неведении. Родителям она тоже не сказала ни слова – известие о беременности стало бы для них ударом, несмыслимым стыдным пятном. Безусловно, ее отец озабочился бы тут же поиском хоть какого-то жениха из местных – чтобы заплатить ему за молчание и тем самым спасти честь семьи. Это не устраивало ее совершенно, потому она сочинила историю про отпуск в Сингапуре, а сама забрала из банка все сбережения и отправилась в неизвестность.

Нок приземлилась в аэропорту Шереметьево поздней ночью в конце ветреного, сырого марта. Ее номер в дешевом отеле оказался ужасен и мало приспособлен для жилья. Все утро ее тошнило, она ничего не могла есть, да и не знала, где и что едят в этой непонятной стране. На улице было холодно, шел мокрый снег с дождем. С трудом объяснившись с пожилым консьержем, Нок попросила вызвать ей такси. Таксист долго кружил по переулкам, потом привез ее все же по требуемому адресу, выставив совершенно несуразный счет. Спорить Нок не могла; расплатившись, она вошла в здание и показала карточку Бревича хмурому охраннику с мятым лицом. Возникло замешательство, потом ей сказали, что его нет, но он должен быть позже. Она села на диван у стойки ресепшена – испуганная, уставшая и абсолютно неуместная в безликом офисном холле.

Ивану тоже было непросто после возвращения из Бангкока – та же пустота окружила со всех сторон и не собиралась отступать. Тем не менее, он не допускал сомнений в окончательности их разрыва. Живя в разных частях света, отношений не сохранить – в этом Бревич был уверен твердо.

Он вернулся к привычной русской жизни, окунулся в работу, много пил. Пару раз пробовал спать с дорогими путанами, но это оставило лишь ощущение брезгливости и еще большей тоски. Потом он вдруг предпринял неожиданный шаг – съехал от жены и инициировал процесс развода. Все ее попытки добиться объяснений не увенчались успехом – Иван избегал любых контактов.

Днем, в суете и хлопотах, ему удавалось почти не думать о Нок, но пьяными вечерами воспоминания накатывали неудержимо. Он сдавался – им и своим мыслям. Со стаканом в руках мрачно бродил по комнатам наспех снятой квартиры, подходил к окну, смотрел на ночную Москву, в которой не было ничего от Бангкока. Застывал – на полчаса, на час –

потом наливал еще виски и садился за компьютер. В Сети бродил по форумам и блогам, искал истории, похожие на его собственную, ожидая от них исцеления, отрезвления. Ему хотелось убедиться, что он поступил правильно – порвав с Нок раз и навсегда, не пытаясь возвести песчаный замок. Но, как назло, ему попадалось иное, чужие замки стояли прочно. Тайские подруги не были идеальны, не отличались ни утонченностью, ни интеллектуальной изысканностью, ни какой-то особой мистерией – все это, скорее, следовало искать в русских. Но при том в них словно был вживлен очень мощный источник женской истинности – той, что ищет каждый и найти которую непросто. Непросто ее и описать, разъяснить, она не всегда бросается в глаза, но, распознав, ее нельзя ни с чем спутать – и в тайках ее было много. Так же, понимал теперь Бревич, много ее было в Нок – как много было и самой Нок в каждой минуте, проведенной вместе. Нет, она не выпячивала себя, не навязывалась и не была болтлива; просто все ее содержание предлагалось ему – предназначалось лишь для него, формируя тем самым властное ощущение принадлежности друг другу. Это была незнакомая ему ранее щедрость, которой она даже не замечала, для нее она была естественна, как дыхание... Бревич вспоминал свое прошлое, двух жен, одну несостоявшуюся невесту и десяток постоянных любовниц. Все они любили подчеркивать – мол, я отдаю тебе всю себя! Тогда ему казалось, что они и вправду предлагают ему немало, теперь же эти их слова вызывали лишь саркастическую усмешку.

Читал он и о другой стороне тайских женщин, об их коварстве в мщении и бешенстве в ссорах, об инфантильной поверхностности их суждений и взглядов, о неумении планировать наперед. Все это почему-то не отменяло их удивительной притягательности, что была глубже и шире быта, денег, житейских дрызг, а также всех расхожих сентиментальных грез. В близости с ними присутствовала незримо какая-то необъяснимая человечность, будто бы способная уберечь, как ангел-хранитель, от разочарований и душевных ран. Она, наверное, была иллюзорна, но за эту иллюзию хотелось цепляться. Ее пытались, более или менее коряво, описать прочие; ее же помнил и пытался анализировать сам Бревич – без какого-либо успеха. Тонкие материи не давались пониманию, не желали облекаться в слова. Оставались лишь горечь и ощущение, что он отказался прочувствовать до конца что-то очень важное в этой жизни...

Иван злился и еще больше пил. Потом выискивал, как лекарство, истории другого рода. Читал с кривой усмешкой откровения секс-туристов, двойников Лотара – о «победах» в любви за деньги, об обманах и плутовстве, неверности и лжи хитрых, полуграмотных «фей» из баров. Это отрезвляло; понемногу Бревич, казалось, вставал на путь «выздоровления». Иногда он даже подумывал, не завести ли себе содержанку азиатской внешности – например, татарку или бурятку – чтобы выздоровление ускорило. Именно в это время Нок появилась в Москве.

Бревич пришел в офис через полтора часа – почти вбежал в здание, не глядя по сторонам. Кивнув охране, он направился было к лифтам, но его окликнула ресепшионистка, показала глазами на диван и неуверенно произнесла: «Вот...» Иван застыл на месте, потом медленно подошел к Нок, та встала ему навстречу. «Почему ты здесь?» – спросил он. Нок сказала: «Я беременна твоим ребенком». Они молча смотрели друг на друга несколько секунд, затем Иван отменил все дела, посадил ее в машину и повез к себе.

Дома Нок, снимая обувь, прислонилась к стене в коридоре и прошептала: «У меня кончились силы». Он осторожно раздел ее, отнес в спальню и уложил в постель. Она тут же уснула; Бревич долго сидел у кровати, лишь несколько раз отлучившись на кухню за глотком спиртного. Но алкоголь не действовал на него; теперь, рядом с Нок, он чувствовал себя совершенно трезвым. И трезво осознавал, что эти минуты – лучшие в его сорокашестилетней жизни.

Последние годы Иван очень хотел сына – наследника, продолжателя рода. Он не раз заговаривал об этом с женой, они будто бы даже пытались зачать ребенка, но у них ничего не выходило. Бревич подозревал, что она предохраняется тайком – беззаботно-комфортная жизнь была ей слишком дорога, и дети не вписывались в ее модель счастья. Как бы то ни было, теперь это не имело значения – услышав от Нок неожиданную новость, Иван почувствовал, что

в его голове все встало на свои места. Логический круг замкнулся, мысли обрели полнейшую стройность. Он увидел себя в начале пути – к созиданию чего-то важнее, настоящего. И на этом пути для него не существовало преград.

Следующие три недели они почти не расставались. Затем они поженились – из-за беременности врачи не советовали Нок лететь в Таиланд, и свадьба состоялась в России. Бревич проявил свои сильные стороны во всей полноте – никаким помехам было не устоять перед его напором. А также перед его возможностями – с десятков чиновников неожиданно обогатились, но зато все бюрократические вопросы были сняты в нереально быстрые сроки. Столь же быстро – и очень жестко – он закончил развод с женой, отдав ей то, что она, по его мнению, заслуживала: квартиру в центре Москвы и немного денег. Та опешила и заикнулась было о полноценном разделе капитала и бизнеса, но Бревич припугнул, нажал, пригрозил оставить вообще ни с чем, и она подписала все бумаги. В результате прекрасным апрельским днем Иван и Нок стояли перед распорядителем Академического ЗАГСа.

На свадьбе присутствовали лишь их семьи – отец и мать Бревича, родители Нок и ее младшая сестра Пим. Иван познакомился с новыми родственниками по Скайпу – это было непросто и происходило в несколько этапов. Сначала Нок поговорила с мамой; та, поохав и немного поплавав, быстро уяснила, что случившееся с дочерью – не фантазии, а необратимый факт, который нужно принять как есть. Они принялись обсуждать главный вопрос: как сказать отцу, что Нок, гордость семьи, беременна, находится на краю света и выходит замуж за чужеземца, с которым не знакомы ни они, ни их соседи. Обсуждение шло два дня, был разработан подробный план, но и он не помог избежать отцовского гнева. Разъяренный родитель кричал и ругался, наотрез отказывался признавать очевидное, обвинял их обеих в безрассудстве, утверждая, что *фарангам* верить нельзя, что Нок, конечно же, стала жертвой обмана, что Иван скоро ее бросит и все семейство потеряет лицо. Нок, впрочем, держалась невозмутимо, она знала, что на ее стороне и мать, и Бревич, и будущий ребенок – и в конце концов здравый смысл возобладал над эмоциями. Отец сменил гнев на милость и согласился поговорить с Иваном, что и было проделано в присутствии Нок и ее сестры.

К удивлению всех, они как-то сразу нашли общий язык, а затем Бревич организовал их приезд в Москву и обеспечил роскошное времяпровождение. Он не только оплатил расходы и в первый же день церемонно передал главе семейства щедрый *син-сот*, «выкуп» за невесту, но и предусмотрел насыщенную программу с участием тайскоговорящего гида. Это очень впечатлило всю семью, и родители Нок пришли к осторожному согласию, что ей неожиданно и необычно повезло. Отец, правда, добавил, что с Иваном нужно все же быть настороже. Нужно держать руку на пульсе и быть готовыми ко всему. Мать привычно согласилась с ним, не видя причин спорить. На самом же деле ей по-настоящему понравился большой молчаливый человек с мрачным лицом, которое мгновенно преобразилось, когда он смотрел на ее дочь.

После свадьбы, прошедшей по-домашнему спокойно, Бревич пообещал, что через год они с Нок приедут в Таиланд надолго. Он даже согласился на еще одну свадебную церемонию – в тайском стиле, по буддистским обрядам. Это окончательно расположило к нему ее отца – тот уже представлял, с какой завистью на Ивана будет смотреть вся деревня. Так, на мажорной ноте, семья Нок отбыла домой, а у молодоженов началась совместная жизнь, полная приятных хлопот.

Бревич стал редко бывать в офисе и вообще охладел к бизнесу. Он знал, что это вызывает недоумение, что коллеги всюду судачат о начальнике, съехавшем с катушек, но ему было плевать. Вскоре он понял, что безумно влюблен – впервые в своей жизни. Также он ощутил во всей полноте, что это такое, владеть тем, что ты любишь – а к ответственности за свои владения ему было не привыкать. На осторожный намек Нок, что ее семья надеется на материальную «подпитку», Бревич лишь пожал плечами. Для него, привыкшего платить за всех и всем, это казалось вполне естественным. К тому же, размер ожидаемой помощи был смехотворен по его

меркам, а сам факт ее наличия приносил ему множество очков в глазах жены. Для нее это было лучшим из его мужских качеств, и она в ответ была рада проявлять все лучшее в себе. Иногда он шутил сам с собой: говоря бизнес-языком, их брак был очень выгодной «делкой». Может потому он и влюбился, как пацан, на старости лет?..

Впрочем, усмехаясь и подтрунивая, он умел взглянуть на происходящее всерьез, без шуток. Взглянуть и признать: ему в самом деле улыбнулась удача. Без сомнения, это была полоса счастья, незнакомого до того. Мнения других, слухи и сплетни не волновали его абсолютно; не пугала теперь и разность культур – он напоминал себе, сколько глупостей и претензий обрушивали на него девушки одной с ним культуры, говорящие на том же языке. И еще он знал: Нок будет по-настоящему любить их ребенка. Это было неизмеримо важнее остального.

Время текло стремительно, бурно, ярко. Бревич был переполнен позитивной энергией, ему казалось, он может свернуть горы. Большую часть этой энергии он направлял на организацию их текущей жизни. Все лучшее, что могла предложить столица, от врачей до салонов красоты, было выявлено, проверено и предоставлено в распоряжение Нок. Иван нашел привычную для нее еду и кучу фильмов с субтитрами на тайском – включая даже классические советские комедии, над которыми они оба смеялись до слез. Он показывал ей Москву, водил в картинные галереи и на спектакли Большого, от которых она была в восторге. Перед сном они долго болтали – о том, в какой стране лучше жить, или о том, на кого будет похож их сын – уже было известно, что Нок ждет мальчика. Заботиться о ней было необычайно приятно; Бревич чувствовал, что каждая минута его существования осмысленна до предела. Он жил в идиллии наяву, знал это и даже не удивлялся. Почему-то это казалось естественным, и по-другому не могло быть.

А затем идиллия обратилась трагедией.

Глава 9

Новую жизнь Ивана Бревича окружали не только слухи и сплетни. У как минимум одного человека она вызывала острую ненависть. Этим человеком была Инна Витзон, его предыдущая жена.

Инна выросла в очень правильной, очень «московской» еврейской семье. Диплом престижного в СССР Иняза дал ей повод считать, что она осчастливила Бревича, выйдя за него замуж. Так же думало и ее семейство, несмотря на то что именно от Ивана полностью зависело их благополучие. Бревича все это заботило мало – он не принимал своих родственников всерьез. Для Инны же всегда и все было серьезно, занимая строго определенное место. В ее жизни не могло быть незначимых мелочей – ибо она сама была очень значимой вещью.

Теперь – определенно и всерьез – Инна ненавидела бывшего мужа. Ненависти было так много, что она не могла уместиться внутри и обязана была излиться – какой-то страшной мстостью. Станным образом это сближало Инну с женщинами Таиланда, которые, все в одном лице, как она считала, стали причиной ее жизненной катастрофы. То, что она теперь ощущала в отношении Бревича, совпадало с изречением обманутых тайских жен: «*Death is not enough*^{20!}»

Суть катастрофы заключалась, впрочем, не в супружеской неверности – на нее Инна легко закрыла бы глаза. Их отсутствие интереса друг к другу было взаимным, и у обоих не раз случались связи на стороне. Суть крылась в другом: Инну потрясло до самых глубин души то, как именно Бревич завершил их брак. И этого она не собиралась прощать.

За годы их супружества у нее тоже накопилось немало претензий. Накопилось и раздражение – в основном от того, что она никак не могла почувствовать вкус удавшейся жизни, хотя все атрибуты «успеха» были налицо. Виноватым в этом она считала Бревича – поскольку больше винить было некого. Он к тому же не желал видеть в ее сетованиях никакой глубины – лишь бесцеремонно заявлял в ответ, что Инне нужно перестать бездельничать и чем-то себя занять. Это оскорбляло ее, она считала – и часто жаловалась своим подругам – что муж ее не понимает и не хочет понять.

Потому, когда Иван, вернувшись из Бангкока, объявил о намерении развестись с ней без всяких на то причин, Инна, опешив поначалу, быстро пришла в себя. Она почувствовала, что перед ней замаячил достойный ее проект – появилось *дело*, заниматься которым можно увлеченно и долго. Смысл проекта состоял в том, чтобы выпить из Бревича всю кровь. Измотать его изнурительнейшим процессом, отсудить побольше – и еще больше, еще... У Инны появился блеск в глазах, она преисполнилась энергии, будто помолодела. Вскоре силами двух адвокатов был разработан план действий, полный коварных ходов, но тут в Москву прилетела Нок, и все пошло насмарку. Бревич повел себя бескомпромиссно, разъярив и ей, и ее адвокатам, как он с помощью своих связей может оставить ее ни с чем, без жилья и без денег. Он звучал убедительно; ей пришлось принять его условия, но при этом злость, которую она затаила, была безмерна. Инна сформулировала для себя как данность: Бревич нанес ей непоправимый урон. Дело было не в деньгах – она все же получила не так уж мало. Дело было в том, что он в одночасье лишил ее вдруг найденного содержания жизни. И за это, сказала она себе, Бревич должен ответить.

За несколько бессонных ночей у нее в голове составилась изощренная схема. Главная роль в ней отводилась семейной паре Даниловых – «Саньку», имевшему с Бревичем свои счета, и его жене Татьяне, которую Инна знала еще с институтских лет. Тогда они были близкими подругами, но после дружба уступила место зависти и злорадству. Теперь это пришлось очень кстати.

²⁰ Одной лишь смерти недостаточно (англ.).

Первый шаг казался самым сложным, но удался легко: встретив «Санька», будто бы случайно, неподалеку от офиса, Инна пригласила его на кофе, и уже через несколько дней он стал ее любовником. Вниманием и лестью она умело разожгла его страсть, а потом вдруг объявила о разрыве.

«Я поняла, нам не по пути, – пожалала она плечами на его недоумение. – Ты лузер по жизни, а скоро вообще останешься без работы. Мой бывший собирается тебя выставить, он не может простить, что бизнес когда-то был твоим, ты его зачинатель. Да и сами эти ваши кондеры – ты их любишь, а он нет, это его раздражает. Твоя жена ему говорила, что, мол, у тебя на них стоит лучше, чем на нее... Кстати, ты знаешь, что она спала с ним – чтобы мне досадить – почти весь прошлый год? Он со мной делился, в этом смысле у нас все было в открытую. Танька жаловалась ему не раз, что ты никуда не годен в постели. А ведь это не так, ты хороший любовник, у тебя такой мощный, толстый член...»

Данилов был взбешен, подавлен, испуган. Он поверил во все – и в неверность жены, и в то, что его выгонят из фирмы, и во внезапное прозрение-презрение Инны, к которому был готов, ибо сам давно уже перестал уважать себя. Тем же вечером он устроил дома отвратительную сцену, после которой его Татьяна собрала вещи и уехала к маме. Через пару дней он пытался с ней помириться, но в результате вновь впал в истерику и, желая уколоть побольнее, рассказал про свою недолгую связь с Инной. Это подействовало как бомба, и скоро стало ясно, что супруга вообще не собирается возвращаться. Данилов каялся и просил прощения, но она лишь рассмеялась ему в лицо и укатила вместе с мамой на турецкий курорт, оставив его в дождливой Москве.

Словом, Инне за какие-то три недели удалось многое. Это придало ей уверенности, убедило в собственной правоте. Вскоре она вновь позвонила Данилову, пожаловалась на одиночество, даже всплакнула в трубку и позвала его в гости. Они много пили – и, после спиртного, секса, пьяных, слезливых сетований на жизнь, будто сама собой возникла и стала утверждаться мысль о мести. Бревич предстал причиной всех бед, нынешних и грядущих, для них обоих. Это из-за него они оба теряли, теряют и будут терять – значит, нужно, чтобы и сам он почувствовал суть потери. У него нужно отобрать что-то, внушала Инна, что-то самое дорогое, показать ему: он не всесилен, он так же слаб и уязвим, как все...

Так сформировался их тандем «мстителей», и способ мести был озвучен в ту же ночь. У Ивана нужно было отнять Нок – пусть на время, но взаправду, без шуток – чтобы он поверил и сполна ощутил всю боль. Чтобы заплатил – отчаянием бессилия и деньгами – за возвращение своей «игрушки». Серьезными деньгами, которые он задолжал им обоим.

Проснувшись утром и все вспомнив, Данилов сел на кровати, сжал лицо ладонями и издал долгий, протяжный стон. Он понимал, что собирается сделать нечто ужаснейшее, дичайшее – и почему-то знал: отступать поздно. Даже страх, от которого дрожали руки, не мог заставить его повернуть назад. Более того, у него на примете уже был человек, подходящий для подобного рода дел. Не кто иной, как «Валек» – друг детства Валентин Сахнов.

Валентин давно вернулся в Москву. В свое время он сделал неплохую карьеру в военном спецназе, быстро дорос до капитана, но потом его и подчиненную ему группу уволили из рядов за неблагоприятный инцидент в Чечне. Это потрясло его до глубины души – несмотря на проблемы с дисциплиной, «Валек» служил честно. Он считал армию своим предназначением, а себя – убежденнейшим офицером, патриотом, не чураясь даже некоторой сакральности, говоря себе, что его жизненный путь – Путь Воина. Потому в увольнении он увидел крах всех мыслимых основ справедливости, а его разум долго отказывался признать случившееся.

Пару недель, пока оформлялись бумаги, он ходил в оцепенении, с остановившимся взглядом. От него шарахались встречные, принимая за опасного, непредсказуемого придурка. Затем оцепенение прошло, остались злость и обида. Получив документы, Сахнов поехал домой, в Москву, но на одной из станций, выйдя за пивом, повздорил с милицейским нарядом и отстал

от поезда. Недолго думая, он сговорился с машинистом товарняка, шедшего в ту же сторону, и так доехал до самой столицы – сидя в задней кабине тепловоза, разглядывая поля, перелески, деревни, проносящиеся мимо, и горланя военные марши. Где-то там, на пути, его сознание пережило катарсис, перестроило картину мира. Он понял, что при любом раскладе останется тем, кем был всегда – воином. И его война теперь – за себя, против всего и всех.

В Москве Валентин первым делом пошел к Бревичу и попросился на место начальника охраны. Иван проявил радушие, похлопал по спине, угостил коньяком, но к себе не взял, опасаясь, что чеченская история всплывет и навредит бизнесу. Сахнов воспринял отказ как еще один серьезный удар. Это было нарушением «братства», к которому он по армейской привычке относился с пиететом. Но удивления он не испытал, было ясно: подлости судьбы – звенья одной цепи. Жизнь его переменяла курс, и это нужно принять как есть.

Он пошел работать в частную охранную фирму и после привел туда нескольких сослуживцев. Вскоре все они рассорились с руководством, уволились и стали действовать своей «бригадой». Брались за все, моральных препон для них давно не существовало. Критерий был лишь один – деньги, и бизнес в общем шел неплохо. Богатые клиенты платили щедро – при этом свинство, с которым случалось сталкиваться, переходило все границы. Это вновь и вновь убеждало Валентина: жизнь движется не в ту сторону, но ее не повернешь обратно.

Иногда он беседовал на эту тему с «Саньком» Даниловым – они регулярно созванивались и, где-то раз в месяц, основательно напивались вместе. С сожалением Сахнов отмечал, что и «Санек» изменился к худшему. Дружба закончилась, теперь их объединяло лишь недовольство ходом вещей. С Бревичем же Валентин не виделся больше ни разу, но не забыл и не собирался забывать обиду. Он твердо верил, что им еще выпадет шанс поквитаться.

И вот шанс выпал – когда Данилов рассказал «Вальку» про замысел с Нок, тот согласился почти сразу. Все вставало на свои места: таких, как Бревич, нужно «учить» – и урок выйдет доходчив. Такие, как Бревич, должны платить – деньгами – и денег светит немало!

Роли распределялись очевидным образом: на Данилова возлагалось финансирование операции, а на Сахнова с его людьми – непосредственное исполнение. Стоимость заказа, озвученная Валентином, вначале показалась «Саньку» непомерной, но, поразмыслив, он согласился, надеясь на щедрый выкуп, который должен будет отдать Бревич. Разделить его они договорились поровну, хотя Сахнов имел на этот счет свои планы. Для него это был еще один аргумент в пользу «акции» – большой куш, если получится его урвать, позволит отойти от дел, сменить обстановку, даже уехать в другую страну. Как знать, быть может где-то в солнечных краях у моря ему придет в голову, что делать дальше со своей зигзагообразной жизнью...

Валентин привлек к операции самых надежных своих людей. После недельного наблюдения за Нок было решено похитить ее на выходе из салона в тихом Весковском переулке. Нок посещала его раз в два дня и всегда шла домой пешком – квартира Бревича была в соседнем квартале. Сопровождал ее лишь один охранник – присмотревшись к нему, спецназовцы решили, что он не создаст проблем. Операция началась и развивалась строго по плану, но план, как выяснилось, предусматривал не все.

Человек, охранявший Нок, был родом из Люберец и имел одинаковые фамилию и кличку – Конь. Его подготовка не шла в сравнение с выучкой бывших спецназовцев, но он был чрезвычайно крепким парнем, поднаторевшим в драках. Когда рядом с ним из ниоткуда вдруг возникли два незнакомца в масках, инстинкт помог ему чуть отклониться вбок. В результате он не отключился от короткого страшного удара в висок, а, упав, сумел перекатиться, выхватить пистолет и, находясь в полубессознательном состоянии, открыть беспорядочную стрельбу.

Почти все его пули ушли в никуда, кроме одной – она угодила в Нок, нанеся ей смертельное ранение. В последние секунды жизни у нее перед глазами пронеслось несколько картин. Она увидела отца и мать в дверях дома на деревянных сваях. Потом – желтую реку и своего

любимого буффало. Потом – лицо неродившегося ребенка, похожее на лицо инопланетянина. Потом – больше ничего.

В течение часа после провала акции исполнители исчезли из города, а Валентин вызвал Данилова на срочный разговор. Они условились встретиться в парке, в малолюдной части, где когда-то играли в разбойников и казаков. Александр пришел первым, Сахнов увидел его из-за деревьев. Тот стоял и курил, нервно переминаясь с ноги на ногу – хоть и не знал о случившемся и о том, что его ждет.

Протягивая руку, Валентин спокойно сказал: «Здорово!» – тут же неуловимым движением сбил «Санька» с ног и, наклонившись, сделал то, чему научился в Чечне – полоснул по горлу, внимательно следя, чтобы на него не попала кровь. Несколько секунд он стоял и смотрел на труп друга детства. Ему было ясно – именно к этой точке и вела его судьба, избрав самую ложную из траекторий. Потом он тщательно протер нож, швырнул его в кусты и зашагал прочь. Больше его никто никогда не видел.

Глава 10

Известие о смерти Нок ввергло Ивана в подобие ступора. Он почти ничего не чувствовал и не реагировал на мир вокруг – словно мира не существовало вовсе. Рецепторы бездействовали – их сигналы больше не обрабатывались мозгом. Мозгу было все равно.

При этом некий автопилот помог ему, как всегда эффективно, разобраться с насущными делами. Прежде всего, Иван позвонил Пим – она немного говорила по-английски. Выбирая самые простые слова, он донес до нее трагическую новость и попросил помочь ему в разговоре с родителями, предварительно их подготовив.

Пим согласилась; они все встретились в Скайпе на другой день. Иван увидел на экране двух разом постаревших людей, придавленных свалившимся на них горем. Он сказал, медленно, почти по складам: «Нок больше нет. Нашего с ней сына нет тоже. Я могу только приехать для похорон и найти тех, кто виновен. Я это сделаю».

Отец Нок встал и ушел, так и не произнеся ни слова. Мать закрыла лицо ладонями и разрыдалась. Было ясно: больше говорить не о чем. Пим махнула Ивану рукой, чтобы тот разъединился.

Через два дня Бревич сидел в самолете с забальзамированным телом Нок на борту. Это было его второе путешествие в Таиланд, путешествие скорби. Все девять часов полета он провел, почти не двигаясь, невидяще глядя перед собой. Лишь только стюард, приветствуя пассажиров, произнес слово «Бангкок», ступор-анестетик стал проходить, уступая место отчаянию и боли. Боль накатывала и отступала – волнами мутного океана.

Бревич понимал: океану нет предела. Все, что связано с Нок, не имело и не будет иметь границ. То, что он ощущает сейчас – лишь предвестие чего-то страшного, ждущего впереди. Он знал, что оно, это страшное, придет, и готов был его принять, а пока у него была соломинка, иллюзия защиты. В каком-то смысле они с Нок все еще оставались вместе. Она была почти рядом, в том же самолете.

За это он и цеплялся, сжав челюсти, сгорбившись в мягком кресле. Перед внутренним взором стояло ее лицо – лицо живой, радостной Нок, какой он привык ее видеть. К нему, словно стальной цепью, было приковано сознание, вокруг него наматывали круги судорожные обрывки мыслей. Казалось, они звучали на лету – воющей, горькой нотой. От них расходилось гулкое эхо, потом они соскакивали с круга, барахтались в топи, вязли в зыбучих песках, так и не сформировавшись ни во что...

Из бангкокского аэропорта, на специально заказанном автомобиле, он привез тело Нок в дом ее родителей, а сам поселился неподалеку, в единственном на всю округу отеле. Тем же вечером состоялась первая из церемоний прощания, на которую собралась вся деревня. Иван не участвовал в ней, лишь наблюдал, стоя чуть в стороне. Любой обряд, что бы он ни значил, казался ему теперь фальшивым, лишним.

Тело Нок лежало на столе, укрытое покрывалом. Обнажены были лишь ее голова и правая ладонь. К ней по очереди подходили люди, выливали ей на руку немного воды со сладковатым цветочным запахом. После каждого подошедшего пожилой монах произносил певучую молитву. Это длилось долго, Иван молчал и хмурился, будто чувствуя, что Нок отдаляется от него с каждым новым омовением.

Затем вокруг ее запястий и лодыжек тот же монах повязал браслеты из белой нити. Стол с телом украсили цветочными гирляндами. Их запах дурманил, у Бревича кружилась от него голова. Он вышел на улицу и зашагал к отелю, чувствуя с невероятной остротой, что скоро время, как вода, утечет сквозь пальцы – Нок уйдет из его жизни навсегда...

По буддистским правилам прощание длилось пять дней. Иван приходил около полудня и просиживал рядом с Нок до сумерек. Около шести, когда чуть спадала жара, в доме появля-

лись монахи, начинался молитвенный обряд. Потом все расходились, Иван тоже брел к себе. Единственный человек, с кем он за день обменивался словами, была Пим. Мать Нок проводила все время в слезах и домашних хлопотах, отец же, бродящий по дому с застывшим лицом, окруженный черным облаком, не говорил ни с кем, а Ивана словно и не замечал вовсе.

В отеле Бревич что-то ел – наскоро, не замечая вкуса. Затем брал с собой в номер бутылку тайского рома и вытягивался на кровати. Его принимала в себя ночь, густая, жаркая тьма. Вокруг царило беззвучие, которое оттеняли цикады и чуть слышный шорох лопастей вентилятора над головой. Иван переносился в другую действительность, погружался в транс. Вновь, как в самолете, перед его глазами была Нок, смеющаяся, полная жизни. Ее лицо завораживало, он медитировал на него, как на хрустальный шар.

Четыре первых ночи видения были полны конкретики. Бревич вспоминал и заново проживал дни, проведенные с ней вместе. От знакомства до первой близости, от разлуки до свадьбы и потом – неделю за неделей счастливой московской жизни... Ее взгляд в бангкокском аэропорту. Встречу в офисе на виду у изумленной охраны. Завтраки по утрам на кухне, залитой солнцем. Визиты к доктору и разглядывание ультразвуковых снимков... Все это представляло перед ним в строгом хронологическом порядке. Образы были яркие – как наяву или под действием мощного галлюциногена. Казалось, он слышал голос Нок, ощущал ее запах.

Потом, без предупреждения, его разум заволакивала мутная пелена. Все картины исчезали, им овладевало безраздельное, слепое бешенство. Иван сжимал кулаки, будто чувствуя свои пальцы на горле каждого из врагов, виновников его горя. Он рвал их плоть, уничтожал их души, придумывал ужаснейшие кары. Сердце его скакало, дыхание прерывалось. Он понимал, что злоба, разросшаяся до границ мира, убивает, душит его самого – и глотал из бутылки, пытаясь обуздать ее буйство. Гибнуть было нельзя – пока не произошло отмщение.

Перед рассветом он наконец погружался в дремоту, но вскоре выныривал из нее, жадно хватая воздух. Ему снилось одно и то же, пусть на разный манер – что Нок в беде и ему не под силу ее спасти. Это было противоестественно, невыносимо – для него, привыкшего, что он может все... Бревич, давно не испытывавший страхов, стал по-настоящему бояться этого сна. И никак не мог от него отделаться.

В последний, пятый вечер, поднимаясь в номер, он вдруг застыл на месте. Его пронзило внезапное осознание: завтра Нок исчезнет окончательно, навсегда. Бревич сбегал по ступенькам вниз, пошел быстрым шагом назад, в деревню, плутая в темноте. Его гнала мысль – он должен сделать что-то, отдалить, помешать...

Улица, на которой стоял дом Нок, была освещена двумя тусклыми фонарями. Приблизившись, Иван увидел на крыльце силуэт. То был ее отец, он стоял и смотрел вдаль, один перед всем миром. В его позе было столько безнадежности, что Бревич тут же понял: ничего изменить нельзя. Он отступил в тень и около получаса наблюдал за чужим ему человеком, с которым они, очевидно, чувствовали одно и то же. Потом пошел назад – в свою тесную комнату, к шороху вентилятора и бутылке «Сангсома».

В ту ночь его внутренний взгляд почему-то размылся, лицо Нок затмилось. Конкретика уступила место абстракции – перед Бревичем в неразборчивых образах проходила вся его жизнь. Он как будто наблюдал ее со стороны, из других пространств, произвольно передвигаясь от точки к точке, от одного ее момента к другому. В черно-серо-белых пятнах, в чуть трепещущих синусоидах он угадывал годы своего бизнеса, успех и богатство, череду женщин, любовниц, жен. Все это теплилось едва-едва, почти не отличаясь от фона. А потом – невероятный всплеск амплитуд и красок, выброс за пределы всех мыслимых шкал. Бешеная пляска аналоговых сигналов, новая молодость, возбужденность жизнью и... возвращение серости, но уже без синусоид; пустота. Будущего не существовало, на его месте зияла пропасть. Как-то жить еще можно было лишь тут – в номере дешевого отеля с вентилятором под потолком, разгоняющим мутную тьму...

На другой день тело Нок было сожжено в крематории. Церемония – с фейерверками и петардами, подаваниями монахам и обильным застольем – длилась долго, с утра и до темноты. Считалось, что это – буддистское торжество смерти, праздник освобождения от земных тягот, шаг к возрождению. Но для Ивана и родителей Нок в происходящем было лишь горе, перед которым любые религии бессильны.

Бревич просидел весь вечер над нетронутой тарелкой, глядя в пол. Он не пил ни капли спиртного, был трезв и полностью погружен в себя. Ближе к ночи, когда знакомые и соседи наконец разошлись, он вышел из дома и сел на ступеньки, обхватив голову руками. Едва ли не впервые в жизни он ощущал полнейшую растерянность – не зная, что ему делать, куда идти, как спастись.

Потом к нему подошла Пим, села с ним рядом. Ей хотелось помочь ему хоть чем-то. «Знаешь, – сказала она, – тут, в доме, сохранилась комната... Нок провела в ней детство и потом жила всякий раз, когда приезжала нас проведать. Хочешь там побыть?» – Иван молча кивнул.

Пим поговорила с матерью, та была не против. Бревича проводили в комнату Нок и оставили одного. Сначала он сидел за ее столом – чистым, без единого пятнышка – затем стал ходить из угла в угол, бесшумно, как зверь, загнанный в смертельную ловушку. Его разуму становилось все хуже. Отчаяние и боль взяли в кольцо, кружили, как демоны, где-то рядом. Бревич чувствовал их дыхание, их неодолимую мощь.

Под ногой вдруг скрипнула половица. Это чуть отвлекло его, он замер на месте; затем, осторожно ступая, подошел к настенной полке. Там лежала стопка тетрадей – Бревич стал рассеянно перелистывать их одну за одной. В полумраке, в свете тусклой лампы он разглядывал почерк Нок – сначала детский, старательно-аккуратный, потом окрепший, взрослый. Водил пальцем по строкам и пытался понять смысл иероглифов, цепляющихся друг за друга, образующих причудливую вязь...

В одной из тетрадей, ему попались страницы с короткими стихотворениями, переведенными на английский – наверное, в качестве упражнения. Он стал читать их – все так же рассеянно, едва вникая – и вдруг вздрогнул, напрягся, замер, наткнувшись на четыре строки, подчеркнутые красным. У него подогнулись ноги, он сел за стол, впился взглядом в разлинованный лист. Твердил слова про себя, шевелил губами, шептал их вслух.

*You will lose me on a cold night under a blanket of hostile darkness, but we'll meet under another Sun if you look for me hard enough*²¹, – перечитывал он вновь и вновь. Искры вспыхивали у него перед глазами, мысли словно взбесились, не поддаваясь контролю. Препрады пали, подточенные последней каплей, хлынул поток. И, не разбирая, захлестнул собой все.

В те секунды Иван понимал: его разум переходит в новое качество – навсегда. Вырывается на свободу, сбросив путы, или сам влечет себя в худшую из темниц – не суть важно, имя им одно и то же. Прочь названия, и демоны прочь; в новом качестве – спасение, панацея.

Он теперь видел все без помех: Нок не покинула его, то был лишь трюк, хитрость мелкого враждебного мира. Их совместный космос простирается куда дальше – она знала, чувствовала это еще до их встречи. Она заранее подала ему знак, заготовила для него послание, в котором все сказано предельно ясно. Без недомолвок, без умолчаний!

Иван просидел над раскрытой тетрадью несколько часов. В середине ночи Пим принесла ему воды с лимоном и немного риса. Он обернулся к ней, и она отшатнулась, увидев, каким огнем горят его глаза.

«В нем дух скорби, он ведет с ним битву», – сказала она матери, но это было очень далеко от правды. Иван больше не имел времени на скорбь. Он был человеком действия, умеющим добиваться цели. И теперь у него появилась самая важная в жизни цель.

²¹ Ты утратишь меня в холодной ночи под покрывалом враждебной тьмы, но мы встретимся под другим Солнцем, если ты будешь искать меня изо всех сил (англ.).

Шаг за шагом в его в голове выстраивался план действий. Бревич осознавал всю сложность задачи, но не сомневался, что решение найдется. Чувствуя, что пока не готов гадать, он не пытался наделить смыслом понятие «другого Солнца». Просто знал, что такое место есть.

Тео

Глава 11

«Я родился на острове, на берегу моря, но оно было не такое, как здесь. Там были скалы, были набережные и пляжи – но совсем не такие, как здесь. Были праздные отдыхающие – не такие – были лавки торговцев и кафе по всему променаду, красно-коричневые, равнодушные ко всему холмы и разбросанные по ним виллы, будто обсыпанные сахарной пудрой.

Мое появление на свет отмечали торжественно и пышно. Наутро в палату к матери, едва оправившейся от родов, вломились бесцеремонные родственники. Они хватили меня на руки, тискали и теребили, щипали за щеки грязными руками, пока я не начинал заходиться в плаче. Им хотелось убедиться, что я из их племени, их стаи – в тот момент у меня еще не было сил по-настоящему их разочаровать. Так же как и в первые дни дома, в черед застолья, когда родители сбивались с ног в судорожном гостеприимстве, чтобы разделить радость с нашей большой родней, хотя причин для радости было еще не много. Я, как все новорожденные, не являл собой ничего, кроме биомассы, совокупности макромолекул, и никто не мог тогда предсказать с уверенностью, разовьюсь ли я в нечто большее. Никто не знал, но мои близкие верили в меня – как верят в прочих младенцев во всех концах света. И я оправдал ожидания: когда мне исполнилось шесть лет, произошло главное событие моих жизней, сколько бы их в конце концов ни оказалось. Никто его не заметил и не оценил по достоинству, и сам я понял его суть много позже – а тогда лишь почувствовал небольшой шок...»

Я говорю это Эльзе – мы гуляем по набережной под жгучим солнцем. Идет третья неделя моего пребывания на Карантине. За это время изменилось многое и многое стало для меня привычным. Прижиться можно где угодно – особенно когда нет альтернатив.

Окружающее больше не кажется мне враждебным, я не вздрагиваю от шорохов, не ищу подвоха в каждом слове и знаке. Подсознание трудится, и его работа дает плоды: я осмысливаю понемногу факт своего возрождения и то, что после Карантина меня ждет еще какая-то жизнь. Осмысливаю и задаю вопросы – и себе, и Нестору – пусть пока почти все они остаются без ответов.

Наши отношения с Эльзой тоже стали другими. Это произошло скачком, сразу – после события, что изрядно нас напугало. Напугало своей неуместностью – будто отлаженный механизм этого места дал сбой. Будто что-то внешнее, грозное вмешалось в здешний безмятежно-ровный ход вещей.

Все случилось на одной из первых наших совместных прогулок: семиэтажное здание, мимо которого мы проходили, внезапно стало падать. Просто рушиться вниз – будто мощный заряд взрывчатки раздробил его опоры. Раздался грохот, огромные куски бетона полетели сверху, покатались слева, прямо на нас и дальше – на других прохожих, омертвевших от ужаса, к балюстраде, к морю. Нас окутало облако пыли, закупорив ноздри; я услышал крики с разных сторон, кажется кричала и Эльза...

Не успев ничего подумать, я схватил ее за руку и потащил вперед, каждый миг ожидая удара, осознавая, что нам, конечно же, не вырваться, не спастись. Но мы вырвались – полузадохнувшиеся, полуслепые от пыли. Откашлявшись и чуть отдышавшись, я оглянулся: позади было пыльное облако, поднявшееся до неба. Потом оно стало рассеиваться и вскоре исчезло без следа: на променаде не оказалось ни камней, ни повреждений, ни корчащихся от боли жертв. Все выглядело как прежде, лишь в черед зданий образовался провал, пустое место, словно от выбитого зуба.

Нужно отдать должное моей соседке, она быстро пришла в себя. Вскоре мы уже, пусть несколько нервно, пытались шутить – и над инцидентом, и над собой. «Ты прямо герой», – покачала головой Эльза и рассказала тут же историю о своем бойфренде, с которым их как-то ограбили прямо в центре Нью-Йорка.

«Ты знаешь, что сделал *тот* герой? – усмехнулась она. – Побежал прочь, полетел как олень, оставив меня одну. Только крикнул – мол, догоняй – а потом заявил, что поступил как мужчина. Что лидировал, показывал путь... Тогда я решила, что не буду с ним больше жить – это было одно из самых мудрых моих решений!»

После случая со зданием в ней будто переключили тумблер, вся ее отстраненность куда-то делась. У нас даже начались попытки физического контакта: Эльза стала брать меня за руку, порой норовила тронуть за плечо, а то и мазнуть бедром. Дальше этого, впрочем, дело не заходило – все же ненастоящесть тел никто не отменял. Зато я узнал многое про ее первую жизнь – она рассказывала в деталях про родительское поместье с лошадьми и площадкой для поло, про учебу в Арлингтоне и первую работу в столичной мэрии... Все это вспоминалось ей большими кусками; она тут же делилась ими со мной. Я выслушивал ее, слегка завидуя – с моей собственной памятью все не гладко. Впрочем, некоторый прогресс есть и тут – кое-что вернулось, и к тому же я научился подбирать сновидения, постепенно заполняя пробелы. Сам, без Нестора, хотя, конечно, в первые дни его помощь была изрядна.

Он, однако, тоже делал ошибки – так, выбранные им сны о русском миллионере Бревиче ничем мне не помогли. Мое сознание так и не смогло шагнуть по цепочке к прошлому, как рассчитывал Нестор, и это ощутимо его расстроило. «Больше никаких „назад навстречу“, – заявил он мне. – Сосредоточимся на вашем детстве и на математике – нужно двигаться последовательно, а не прыжками вбок!» Так мы и движемся теперь – с переменным успехом.

Сам же я то и дело возвращаюсь мыслью к Бревичу, но тщетно. Лишь отдельные детали приоткрываются на миг: жаркий город, жаркая ночь, полумрак бара и пьяные лица. Дальше память утыкается в стену – жаркую стену. Не всплывают ни Тина, ни хоть какой-то намек на мою теорию и загадочные частицы. Слова Нестора о консионном поле пробуждают лишь мучительный зуд – порой он становится невыносим и я зажмуриваюсь, закрываю руками уши. Потом вновь пристаю к нему с вопросами, но он отделяется туманными сентенциями. Именно ими я и делюсь сейчас с Эльзой.

Набережная понемногу заполняется людьми. Сегодня мы вышли рано, одними из первых. Я говорю: «Ни с того ни с сего меня сотрясла дрожь, прошиб холодный пот. Потом закружилась голова и сильно поднялась температура. Мать уложила меня в постель с мокрым полотенцем на лбу. Все думали, что я заболел – гриппом или чем-то похуже – но они волновались зря. Моему здоровью ничто не угрожало. Произошло лишь то, что, судя по всему, случилось рано или поздно с большинством моих современников. То, что случилось и с тобой, и с каждым, кого мы теперь видим здесь. Я обрел сознание – истинное сознание – отделился как вид живой материи от всех прочих видов, родов и семейств – в самом широком смысле, далеко выходящем за рамки принятых таксономий. Я стал – позаимствуем расхожий термин – *человеком!*»

Нет, не ангелы помогли мне, не святые духи подставили мне плечо. Не какой-нибудь из всевышних, придуманных к тому времени, коснулся меня перстом. Нет, мое сознание пробудили, вызвали к жизни очень даже реальные поля-частицы. Я не знаю деталей, но мой советник утверждает, что поток консионов, пронизывающий пространство, вступил во взаимодействие с моим мозгом – и резонировал, попал в ловушку. Я как личность вписался в структуру мироздания!»

Я увлечен, мне кажется, я излагаю важные вещи. Важные для нас обоих – и не только в глобальном, мета-вселенском смысле. Есть куда более частный смысл: этим утром наконец

прояснилось, почему мы с Эльзой соседствуем в одной квартире и чего от нас в связи с этим ждут.

Мы – локальная группа, так сказать, команда, связанная общей целью. Мне сегодня сообщил об этом Нестор – с недовольным выражением лица. Он долго молчал, поджав губы, потом выговорил наконец: «Ну что, давайте приступать к главному? Пока вы тут прохлаждаетесь, как в санатории. Все больше спите...»

Это было несправедливо, мои сновидения занимали ровно столько, сколько было отведено Инструкцией. Бодрствуя же, я пытался работать, мучился без особого прогресса – и, отметим, без особой поддержки от наставника-советника-терапевта. Тем не менее мне казалось, что мы нашли общий язык, притерлись друг к другу – все последние дни Нестор был весьма любезен. Но сегодня его словно подменили.

Впрочем, спорить с ним бесполезно. «Хорошо, к главному, – пожимаю я плечами. – Я считал главным теорию консионов, но если вы *теперь* полагаете иначе...»

Нестор усмехается: «И что же вы можете сказать мне про теорию консионов?»

«Немногое, – признаю я. – Лишь то, что слышал от вас: отпечатки сознаний, какие-то вихри, образы памяти на метабране – и то, что я сам будто бы предсказал все это...»

Нестор прерывает меня нетерпеливым жестом. «Сказки для детей, – говорит он. – Кого они могут убедить? Мифы и легенды – кто вам поверит, и кто поверит в вас, может быть я? Не надейтесь, я не легковверен. Мне нужна теория, строгая теория – тогда я буду считать, что вы достигли одной из целей. Тогда я поставлю *галочку* в бумажке, что вечно у меня перед носом – в моем списке дел, в менеджере задач».

«Как только, так сразу, – отвечаю я сухо. – Я стараюсь и продвигаюсь как могу».

Нестор вновь поджимает губы – явно будучи не в восторге от моих стараний. Потом, после паузы, повторяет: «К главному!» – и наклоняется вперед, так что его лицо заполняет весь экран.

«Полагаю... – говорит он вкрадчиво. – Полагаю, что вы, Тео, до сих пор не прониклись как должно всей значимостью явления, которое *у вас* перед носом – каждый день, прошу заметить, как у меня мой список. Полагаю, что вы принимаете его как данность и относите эту данность к категории случая, тем самым сводя к нулю существенность факта, о котором вам давно стоило бы задуматься. С вашим-то аналитическим умом... Я удивлен, удивлен!»

Он откидывается назад и смотрит на меня, как на школьника, вновь провалившего диктант. «Вы имеете в виду...» – начинаю я, но Нестор не дает мне закончить.

«Именно! – восклицает он. – Да, именно это. Как же наивно с вашей стороны считать, что вы и ваша соседка оказались здесь, в одном жилом блоке, просто по случаю, без всякой причины! Чрезвычайно наивно, попахивает слепотой. А ведь вы не слепы, Тео – отнюдь, отнюдь...»

Я требую разъяснений. Нестор разъясняет. Очень коротко и не слишком внятно.

«Вы должны сделать общее дело, – говорит он, сверля меня взглядом. – Вскрыть причинные связи – пусть хотя бы одну из них. Ваши воспоминания обязаны пересечься в какой-то пространственно-временной точке, и эту точку нужно искать – искать! – а не ждать, что она выявится сама собой. Вот что *главное* – и вам обоим нужно сделать усилие в этом главном. Нужно стараться, нащупывать пути, пробовать, пробовать раз за разом. И помните, Тео: искренность – вот что выведет из тупика, искренность без компромиссов!»

На этом мы расстались. Теперь, на набережной, я, как мне кажется, очень искренне делаю усилие и «нащупываю пути». Эльза, впрочем, впечатлена не слишком. Она машет рукой, прерывая меня. Она сердится: «Неужели ты не можешь вспомнить ничего *нормального* – где ты жил? Какие у тебя были женщины – почему ты почти не рассказывал мне про своих женщин? Или каким ты был в юности, в детстве? Может, вредным мальчишкой – и теперь тебе стыдно? Быть может, ты отрывал крылья бабочкам и мучил кошек?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.